ВОПРОСЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ В ОСВЕЩЕНИИ ПЛЕХАНОВА

Одним из важнейших составных элементов богатейшего литературного наследия Плеханова являются его труды и высказывания по вопросам истории философии.

Перу Плеханова принадлежат многие работы, специально посвященные истории философской и социологической мысли и тесно связанные с задачами идейно-политической борьбы против врагов марксизма. Среди них особо важное значение имеют: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории», «Очерки по истории материализма», «Несколько слов в защиту экономического материализма», предисловие и примечания к переводу книги Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Первые фазы учения о классовой борьбе», «Основные вопросы марксизма», открытые письма Богданову «Materialismus militans», «Утопический социализм XIX века», «От идеализма к материализму», предисловие к книге Л. Деборина «Введение в философию диалектического материализма» и др. Многие труды Плеханова посвящены вопросам истории философской, социологической и эстетической мысли в России.

В произведениях, направленных против врагов марксизма, в многочисленных рецензиях на книги русских и зарубежных авторов в поле зрения Плеханова постоянно находятся проблемы истории философии. Его интересует вопрос, как идейная борьба в современном

обществе перекликается с различными философскими и социологическими взглядами прошлого.

Широта и разнообразие историко-философской тематики, занимавшей Плеханова, его богатейшая эрудиция в различных областях истории человеческой мысли, глубокое проникновение в процесс исторического развития философии дают полное основание утверждать, что после Маркса и Энгельса, кроме Ленина, который, как творческий марксист новой эпохи, намного превзошел Плеханова, среди марксистов не было равных Плеханову историков философии и социологической мысли.

Методологические проблемы истории философии и их решение в трудах Плеханова. В трудах Плеханова по истории философии и социологической мысли плодотворно сочетаются глубокие и разносторонние исследования исторического процесса развития философской мысли с решением методологических проблем истории философии.

Отправным пунктом для решения Плехановым методологических проблем истории философии послужили работы Маркса и Энгельса, излагавшие их взгляды на происхождение и роль философии и других форм общественного сознания. Особенно большую роль в этом отношении сыграли предисловие Маркса к его произведению «К критике политической экономии», произведения Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и др. Плеханов не раз обращается к этим произведениям, цитирует и комментирует содержащиеся в них положения. Так, в предисловии к «Очеркам по истории материализма» Плеханов, следуя Марксу и Энгельсу, считает исходным, методологическим принципом истории философии выяснение зависимости развития философской мысли в конечном счете от экономической жизни и борьбы классов. Он пишет: «С точки зрения той школы, к которой я имею честь принадлежать, *идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней*». Кто хочет с этой точки зрения рассматривать историю идей, должен стараться объяснить, как и каким образом идеи той или иной эпохи были порождены ее социальными условиями, т. е. в конечном счете ее экономическими отношениями. Дать

такое объяснение — это огромная и благородная задача, разрешение которой совершенно преобразует историю *идеологий*»¹.

Но марксистское исследование истории философии не ограничивается выяснением социальных, т. е. в конечном итоге экономических корней развития философской мысли. Предупреждая вульгаризаторское истолкование истории философии с точки зрения «экономического материализма», Плеханов видит *суть историко-философского исследования в рассмотрении специфики развития философской мысли, в детальном выяснении закономерностей процесса истории самих идей*. Он предвзвешивает свой глубокий и детальный анализ истории французского материализма XVIII в. и марксистского материализма в «Очерках по истории материализма» следующим указанием: «Прежде чем ответить на вопрос, *почему* развитие идей совершалось тем или иным образом, надо сперва уяснить себе, *как* шло это развитие. В применении к предмету наших очерков это значит, что объяснить, *почему материалистическая философия развивалась так*, как мы это видим у Гольбаха и Гельвеция в XVIII и у Маркса в XIX столетии, можно только после того, как ясно будет показано, *чем была в действительности эта философия*, которую так часто понимали неправильно и даже совершенно извращали. *Прежде чем строить, надо расчистить почву*»².

Специфику развития философской мысли Плеханов видит прежде всего в борьбе материализма с идеализмом, которая окрашивает все содержание истории философии. Во всех своих марксистских работах Плеханов раскрывает эту борьбу материализма с идеализмом от античного мира до наших дней, хотя и не формулирует в отличие от Ленина принципа партийности философии, что является слабым местом в историко-философской концепции Плеханова.

Вместе с тем мы находим у Плеханова немало примеров правильного подхода к вопросу *о партийности общественных наук, в том числе и истории философии*. Если в 1901 г. в статье «Сант против Канта» Плеханов

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 34—35.

² Там же, стр. 35.

дает по этому вопросу еще неясную и неточную формулировку, говоря: «*Партийная наука*», строго говоря, невозможна. Но, к сожалению, очень возможно существование «*ученых*», *проникнутых духом партий и классовым эгоизмом*¹, то год спустя, в 1902 г., в предисловии к переводу «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса он этот вопрос решает гораздо более правильно, доказывая, что общественная наука партийна.

В принципе Плеханов признавал также и партийность искусства, которую он отождествлял с его идейностью, и решительно восставал против идеалистических, реакционных теорий «искусства для искусства». Рассматривая идейность искусства как важный элемент истории человеческой мысли на различных ступенях ее развития, Плеханов раскрывал социальные причины безыдейности реакционного буржуазного искусства, видел их в сознательном лицемерии, в боязни правды со стороны идеологов реакционных классов современного общества.

«Было время, — писал он, — когда высшие классы, для которых главным образом и существует искусство в «цивилизованном» обществе, стремились вперед, и тогда идейность не пугала, а, напротив, привлекала их. Теперь же эти классы в лучшем случае стоят на одном месте, потому идейность им не нужна совсем или нужна только в минимальных дозах, и поэтому же их протест против безыдейности, протест, неизбежный по той простой причине, что без идеи искусство жить не может, не ведет ни к чему, кроме отвлеченного и хаотического символизма»².

Отстаивая материалистический взгляд на историю философии, Плеханов стремился вместе с тем материалистически истолковать и применить к истории философии положительные и ценные элементы истории философии Гегеля, который смотрел на историю философии как на специфическую сферу мысли, развивающуюся закономерно и поступательно, в процессе возникновения и борьбы противоречий, которые, по идеалистическому

взгляду Гегеля, появляются, развиваются и разрешаются в самой сфере мысли.

Марксист Плеханов восстает против концепции «филиации идей» Гегеля и других идеалистов, согласно которым одна философская система порождает другую якобы независимо от исторических условий жизни общества, от его экономики. «...Говорится, например, — пишет он, — что философская система Фихте логически вытекла из философской системы Канта, философия Шеллинга логически вытекла из философии Фихте, а философия Гегеля — из философии Шеллинга. Так же «логически» объясняется смена различных школ в искусстве. Здесь есть, несомненно, своя доля истины. Жаль только, что она ровно ничего не объясняет»¹.

Плеханов признает долю истины в присущих гегелевской истории философии принципах закономерно-поступательного развития философской мысли и преемственности философских идей. Но он вслед за Марксом и Энгельсом требует, чтобы эти явления идейной жизни общества, свидетельствующие об относительной самостоятельности идеологий, также были объяснены в конечном счете поступательным движением общественной жизни, развитием экономики общества, борьбой классов, чтобы историки философии и других идеологий не ограничивались пустыми и бессодержательными ссылками на «филиацию идей».

Вслед за Марксом и Энгельсом Плеханов стремится материалистически переработать все наиболее ценное и рациональное, что заключалось во взглядах Гегеля на историю философии и было связано с его диалектическим подходом к истории человеческой мысли.

Прежде всего Плеханов материалистически истолковывает диалектический взгляд Гегеля на философские системы прошлого, как исторически сменяющиеся ступени развития мысли, истинные для своего времени. В отличие от французских материалистов, которые метафизически рассматривали предшествующую историю философской мысли, как «галерею заблуждений», представляли ее как нагромождение нелепостей и обманов, Гегеля присущ исторический подход к развитию фило-

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 397.

² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. V, стр. 438.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 426.

софской мысли. Гегель считал, что «меняющаяся природа живого духа» заключается в переходе от одних ступеней самосознания к другим, более высоким. Плеханов признает преимущества гегелевского, диалектического подхода к истории философии над метафизическим, исходившим из абстрактного противопоставления истины заблуждению.

Диалектический подход Гегеля к истории философии, пожалуй, наиболее четко был выражен им в следующих положениях «Науки логики»:

«Относительно опровержения какой-либо философской системы... следует отвергнуть превратное представление, будто система должна быть изображена как совершенно ложная, а истинная система, напротив, как *лишь противоположная* ложной». Гегель считает, что, например, в системе Спинозы есть «необходимая точка зрения, на которую становится абсолютное», поэтому не следует смотреть на такую точку зрения «как на некоторое мнение, как на субъективный, произвольный способ представления и мышления некоторого индивидуума, как на заблуждение спекуляции; напротив, последняя на своем пути необходимо перемещается на эту точку зрения, и постольку эта система совершенно истинна. — Но эта точка зрения не есть наивысшая. Тем не менее система постольку не может рассматриваться как *ложная*, требующая *опровержения* и могущая быть опровергнутой, а в ней следует рассматривать как *ложное* лишь признание ее точки зрения за наивысшую. *Истинная система* не может поэтому и находиться к ней в таком отношении, что она лишь *противоположна* последней; ибо в таком случае эта противоположная система сама была бы односторонней. Напротив, как более высокая, она должна содержать в себе низшую»¹.

Понимая преимущества подобного диалектического подхода к истории философии, Плеханов в то же время не забывает идеалистической ограниченности гегелевской концепции истории философии, которая исходила из того, что руководитель духовной работы философской мысли есть, по словам Гегеля, «единый живой дух, мыслящая природа которого состоит в том, что он осознает в себе *то, что он есть*, и когда последнее стало,

¹ Гегель, Соч., т. VI, Соцэкгиз, М., 1939, стр. 9.

таким образом, его предметом, он уже вместе с тем поднимается выше его и есть высшая ступень»¹.

Материалистически перерабатывая диалектический взгляд Гегеля на историю философии, Плеханов делает вывод о том, что «каждая данная философская система есть лишь умственное выражение своего времени»² и в конечном счете отражает экономические и другие общественные отношения определенной исторической эпохи.

Работы и высказывания Плеханова по истории материализма в Англии и Франции в XVII—XVIII вв., по истории немецкой философии XVIII—XIX вв., истории философской мысли в России и других странах свидетельствуют о том, что Плеханов вслед за Марксом и Энгельсом сумел верно применить теорию и метод исторического материализма в области истории философии. Марксистские историко-философские работы Плеханова коренным образом отличаются от гегелевской идеалистической концепции истории философии, от рассмотрения развития философской мысли как «филиации идей». Вместе с тем работы Плеханова по истории философии возвышаются над старым, домарксистским материализмом своим диалектическим, историческим подходом к философской мысли, в результате которого история научного мировоззрения предстает перед читателем как результат развития и критической переработки теоретической мысли предшествующих поколений.

Среди методологических проблем истории философии, разрешаемых Плехановым, большое место занимает *проблема относительной самостоятельности философии, как специфической формы общественного сознания*. Эта относительная самостоятельность философии, по Плеханову, состоит прежде всего в том, что нет полного соответствия между уровнем развития философии и уровнем развития экономической жизни; в одних странах философские идеи отстают от экономического положения, в других могут несколько опережать в своем развитии ход экономического развития данной страны. Относительную самостоятельность философии Плеханов видит также в том, что связь философии с экономическим базисом и интересами классов не

¹ Гегель, Соч., т. I, М.—Л., 1930, стр. 31.

² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 424.

является непосредственной, а развитие философских идей, понятий, категорий часто связано с состоянием смежных областей идеологии. Нередко на содержание и в особенности на форму философских идей и категорий оказывают влияние религия, искусство и другие формы общественного сознания. Содержание и особенно форма философских идей и категорий не прямо и непосредственно вытекают из экономического положения и интересов определенных общественных классов, а связаны в значительной мере с мыслительным материалом, накопленным предшествующими поколениями, являются их дальнейшим развитием, совершенствованием, отрицанием и т. п.

Плеханов не раз отмечал, что, как правило, философские идеологи господствующих классов, когда эти классы играли прогрессивную роль, не фальсифицировали действительность сознательно, наоборот, они были глубоко убеждены в правильности своих взглядов. Правда, взгляды и понятия этих мыслителей, как философские, так и социологические, носили отпечаток исторической ограниченности того класса, чьи интересы они в конечном счете выражали, были обусловлены рамками и уровнем науки того времени, которая также накладывала отпечаток на их мировоззрение. Но эти мыслители, например французские просветители XVIII в. или представители немецкой классической философии и многие другие, были искренне убеждены в том, что их точка зрения на мир единственно правильна, служит делу прогресса, науки и т. д.

Это искреннее убеждение мыслителей прошлого часто было, говоря словами Плеханова, «бессознательным лицемерием» в том смысле, что многие идеологи буржуазии так или иначе отворачивались от познания истинного хода вещей и не были способны понять противоречий в том строе, который они считали естественным. Но впоследствии, в ходе борьбы господствующих классов и их идеологов против революционного движения и передовых идей, к этому «бессознательному лицемерию» философских идеологов господствующих классов прибавилось лицемерие сознательное. Искреннее убеждение мыслителей эксплуататорских классов прошлого, что их ограниченные взгляды являются верными, единственно правильными, сменяется сознательным

лицемерием в условиях, когда эти классы отступают от прогресса к реакции; реакционные идеологи этих классов сознательно извращают, фальсифицируют действительность.

В предисловии к книге А. Деборина «Введение в философию диалектического материализма» Плеханов приводит в пример произведение лорда Болинброка, Беркли, прагматистов, искажавших действительный ход научного познания и ход революционных событий, ибо эти мыслители сознательно поставили своей целью ниспровергнуть материализм и потому отвергали понятия материи, закономерности и т. д.

В центре научных исследований Плеханова по истории философии всегда стояла *проблема преемственности в развитии философской мысли*, тесно связанная с марксистским пониманием относительной самостоятельности философии, как специфической формы общественного сознания. Следуя Марксу и Энгельсу, Плеханов показывает, что в каждую историческую эпоху философы начинают не на чистом месте свою мыслительную деятельность, а продолжают и развивают философскую мысль предшествующих поколений. Но что же представляет собой эта преемственность философских идей, если это не «филиация идей», не плод самосознания абсолютного духа, как у Гегеля, и не следствие простого взаимодействия различных сторон народной жизни, различных факторов истории, как то утверждали многие буржуазные историки философии?

Преемственность философской мысли, по Плеханову, состоит не в том, что одна философская система в силу своей внутренней логики порождает другую безотносительно к интересам общественной жизни и потребностям науки. Она обусловлена не только и не столько тем, что в определенный исторический период потребности развития таких смежных форм общественного сознания, как религия или естествознание, вызывают к жизни идеи одной философской системы и заставляют отказаться от идей другой. Преемственность в развитии философской мысли, с точки зрения марксизма, проводимой в историко-философских трудах Плеханова, состоит в том, что каждое новое поколение, а в рамках его — идеологи различных классов, — обращаются к «мыслительному материалу», оставленному предше-

ствующими поколениями, с тем чтобы, оценивая, развивая или отрицая философские идеи и понятия прошлого, решить теоретические задачи сегодняшнего дня, вытекающие из коренных общественных интересов борющихся классов, из запросов их идеологической борьбы, из требований науки. Поэтому корни преемственности философских идей являются глубоко социальными.

По Плеханову, дело заключается в том, что одни идеи прошлого, в том числе и философские, соответствуют интересам нового экономического развития, другие — не прямо соответствуют, но могут быть критически использованы в новых философских или социально-политических системах для новых целей, а иногда новое вино может быть влито в старые мехи, т. е. новые по содержанию мысли могут быть включены в формы, выработанные старыми философскими системами; некоторые же старые философские идеи и формы мышления тормозят развитие нового, поэтому отвергаются прогрессивными силами современности, но охотно берутся на вооружение реакционными силами, которые хотят сохранить старые общественные и политические порядки.

Таким образом, в соответствии с характером экономических потребностей, общественных интересов тех или иных классов и социальных групп возможен различный характер отношения к философской мысли прошлого. Идти по стопам своих предшественников, развивая их мысли, — это, по Плеханову, один из возможных типов преемственности в развитии философских идей. Так, например, французские материалисты шли по стопам Локка, но усиливали его материалистический сенсуализм и делали из него последовательные выводы, поскольку выступали как идеологи революционной буржуазии, тогда как Локк был лишь выразителем классового компромисса между буржуазией и дворянством в Англии второй половины XVII в. Возможен, по Плеханову, и такой тип преемственности, когда мыслители новой эпохи следуют приемам мыслителей прошлого, но соперничают со старыми идеями. Так, например, скептицизм, метод «универсального сомнения», как способ подхода к научной философской мысли прошлого может быть использован в самых различных вариациях: он был использован в целях борьбы против схоластики Декартом, но был также использован

Кантом и особенно кантианцами для борьбы против материалистической науки и философии нового времени. Чаще же всего встречается такой тип преемственности в философии, когда мыслители нового времени восстают против старых идей и приемов, критикуют их, но все же возвращаются в круг тех же вопросов, которые занимали и предшествующую философскую мысль, и отвечают на эти вопросы. Фейербах, восставший как материалист против идей и приемов немецкой идеалистической философии, тем не менее должен был отвечать на многие вопросы, поставленные немецкими идеалистами. Посвоему, с материалистических позиций, он решал ряд поставленных жизнью и наукой философских проблем, явившихся до него объектом рассмотрения в различных системах немецкой идеалистической философии: и проблему отношения субъекта и объекта, и проблему закономерности развития мира, и проблему отношения к религии и многие другие.

И в области истории философии, так же как и в истории литературы, Плеханов часто применяет излюбленный им логический прием антитезы, согласно которому развитие философской мысли представляет собой отрицание положений, понятий, идей предшествующих философских систем; желая подчеркнуть противоречивость развития философской общественной мысли, Плеханов, увлекаясь, утверждает, что последующие мыслители не просто воспринимают достижения философской мысли своих предшественников, что, как правило, они оспаривают ранее высказанные философские идеи и положения и выдвигают новые системы взглядов в качестве антитезы предшествующим философским системам.

Прием антитезы содержит в себе рациональное зерно, поскольку выясняет противоречивый характер развития философской мысли, но применение его всегда и всюду, возведение его в закон, приводит к схематизму, к известному «огрублению» сложного исторического процесса развития философской мысли. Так, следуя методу антитезы в истории философии, Плеханов говорит, что философы во Франции XVIII в. были атеистами, а их последователи — утописты XIX в. — почти все склонны были к мистике. Тут ради схемы допущено некоторое преувеличение, потому что французские фило-

софы XVIII в. не все были атеистами и отнюдь не все утописты XIX в. были мистиками и сторонниками религии. Плеханов пишет, что в Англии XVII в. борцы против абсолютизма были религиозными фанатиками, а поэтому аристократы эпохи реставрации, в порядке антитезы, были материалистами. В данном случае Плеханов, увлекаясь логическим приемом антитезы, оставляет в стороне коренные социальные причины религиозных веяний в среде социальных групп, борющихся против феодализма. Свою идеологическую оппозицию к господствующей феодальной идеологии — католицизму они выражали в религиозной же форме (реформация, ереси и т. п.). В неверном освещении оказался также вопрос о классовом характере материалистического мировоззрения XVII—XVIII вв. в Англии. Несмотря на аристократические связи и предрассудки многих представителей материалистического мировоззрения, объективно оно выражало интересы капиталистического развития, интересы поднимающейся буржуазии и тех слоев дворянства, которые выступали за буржуазный путь развития общества.

В своих работах по истории философии Плеханов постоянно подчеркивает сложность и противоречивость процесса развития теоретической мысли, несоответствие в ряде случаев между политическими и философскими взглядами мыслителей. Занимая прогрессивные позиции в социально-политической области, тот или иной деятель может придерживаться отсталых взглядов в философии и наоборот. Не каждый революционер в политике — представитель передовой философии. В качестве примера Плеханов приводит Марата.

Выясняя в своих сочинениях, что далеко не всегда ненаучные и ошибочные взгляды в сфере философии совпадают с реакционными политическими позициями и что в свою очередь не каждый прогрессивный деятель и даже революционер в сфере политической жизни разделял научно верные и передовые, материалистические воззрения, Плеханов учил бережливому отношению к наследию философской мысли человечества. Так, например, в своей статье «Гром не из тучи», напечатанной в 1901 г. в грузинском журнале «Квали», он выступил против анархиста В. Н. Черкезова (В. Марвели), который вместе с бернштейнцами с порога отбрасывал

гегелевскую диалектику на том «основании», что у Гегеля были реакционные идеи в социально-политической области. Плеханов писал в этой статье: «Мыслитель, сочувствующий *реакционным* стремлениям в общественной жизни, может тем не менее создать философскую систему, заслуживающую полного *внимания* и даже *сочувствия* со стороны *прогрессистов*. Надо уметь различать между *теоретическими посылками* данного писателя и теми *практическими выводами*, которые он сам делает из своих теоретических посылок. Практические выводы могут быть неверны или враждебны делу человеческого прогресса. Но в то же самое время *посылки*, лежащие в основе этих неверных или вредных *выводов*, могут быть *и верны, и полезны*, — полезны в том смысле, что, *будучи правильно истолкованы*, они дадут новый довод или даже целый ряд доводов в защиту *прогрессивных* стремлений. Вот почему такие эпитеты, как *реакционер* или *прогрессист*, никоим образом не характеризуют *теоретических* заслуг или ошибок данного философа. Кто хочет уничтожить этого философа во мнении мыслящих людей, тот должен опровергнуть *теоретическую* часть его учения. Только после опровержения этой части он имеет право указать на то *практическое стремление* или на то *влияние* общественной среды, которое побудило мыслителя *исказить истину* или *помешало ему додуматься до нее*. При соблюдении этого условия указание на политические симпатии мыслителя (реакционер, прогрессист и т. д.) будет содействовать выяснению генезиса (происхождения) его заблуждений»¹.

Этот обобщающий вывод Плеханова, которому он не раз следует в своих оценках философских учений, имеет большое методологическое значение для историко-философской науки, предупреждая против поверхностного и вульгаризаторского отношения к философской мысли прошлого. Это принципиальное положение, как и многие другие верные мысли Плеханова, сохраняет свою силу и для наших дней, помогая преодолевать различные вульгаризаторские «упражнения». Так, некоторые авторы объявляли, что домарксистские философские учения извращают представление о действительности

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 682—683.

тельности, так как выражают идеологию эксплуататорских классов. Другие же отрицали преемственную связь между марксизмом и учениями классической немецкой философии, поскольку творцы этих учений придерживались консервативных, а иногда и реакционных социально-политических взглядов.

«Приоритет» подобного вульгаризаторства в истории философии принадлежал, по мнению Плеханова, так называемым экономическим материалистам, которые свои взгляды на историю человеческой мысли приписывали Марксу. Плеханов писал, что в понимании этих извратителей марксизма «взгляд Маркса на историю, например, философии часто понимается приблизительно так: если Кант занимался вопросами трансцендентальной эстетики, если он говорил о категориях рассудка или об антиномиях разума, то у него это одни фразы: ему в действительности вовсе не интересны были ни эстетика, ни антиномии, ни категории; ему нужно было только одно: доставить классу, к которому он принадлежал, т. е. немецкой мелкой буржуазии, как можно больше вкусных блюд и «прекрасных невольниц». Категории и антиномии казались ему прекрасным средством для этого, вот он и стал «разводить» их»¹.

Изложив эту вульгарно-материалистическую точку зрения, приписываемую марксизму, Плеханов справедливо заключает: «Нужно ли уверять, что это совершеннейшие пустяки?! Когда Маркс говорит, что данная теория соответствует такому-то периоду экономического развития общества, то он вовсе не хочет сказать этим, что мыслящие представители класса, господствовавшего в течение этого периода, сознательно подгоняли свои взгляды к интересам своих более или менее богатых, более или менее щедрых благодетелей.

Сикофанты были, разумеется, всегда и везде, но не они двигали вперед человеческий разум. Те же, которые действительно двигали его, заботились об истине, а не об интересах сильных мира сего»².

Плеханов решительно возражал против попыток Шулятикова и других вульгаризаторов (Богданов, Рожков, Элевферопулос и др.) выдавать любую философ-

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 650—651.

² Там же, стр. 651.

скую систему или эстетическое учение прошлого за сознательное искажение истины в корыстных интересах той или иной социальной группы.

В своей рецензии на книгу В. Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии» Плеханов резко критикует автора, близкого к российским махистам, за вульгаризаторские измышления, будто в понятиях, категориях философских систем выражаются «ближайшие интересы буржуазии», ее «классовые выгоды и стремления», воспроизводится «картина классового строения общества, нарисованная с помощью условных знаков». Плеханов пишет: «Мы уже видели у г. В. Шулятикова один из образчиков этой «суздальской» простоты. У него выходит так, что когда Кант писал о ноуменах и феноменах, то он не только имел в виду различные общественные классы, но также — по выражению одной старухи-чиновницы Г. Успенского — «норовил в карман» одного из этих классов, именно буржуазии. Получается что-то вроде пасквиля на человеческую мысль, такого пасквиля, который мог бы вызвать много справедливого негодования, если бы не отличался глубочайшим комизмом»¹.

Критика шулятиковского вульгаризаторства Плехановым шла по той же линии, что и ленинская критика, уступая последней по конкретности и глубине. В. И. Ленин в своих пометках на вульгаризаторскую книгу Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии» усматривал в приведенных выше положениях Шулятикова воспроизведение богдановской теории, согласно которой понятие «дух» и «тело» сложилось на фоне авторитарных отношений и антитеза между ними отразила социальную антитезу — организующих «верхов» и исполнительских «низов»; Ленин оценил эту теорию как вздор. Он отмечал также, что у Шулятикова, превращающего всех мыслителей буржуазии XVII—XVIII вв. в корыстных защитников интересов эксплуататоров, «в этом оплошлении истории философии совсем забыта борьба буржуазии с феодализмом»², ее борьба с поповщиной, что ведет к смешению различных линий в философии. В общем

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 325.

² В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 491.

Ленин оценил книгу Шулятикова как «пример безмерного опошления материализма», где «вместо конкретного анализа периодов, формаций, идеологий *голая фраза* об „организаторах“ и до смешного натянутые, до нелепости неверные сопоставления»¹.

В отличие от многих буржуазных историков философии, которые ограничивали историю философии лишь историческим очерком «гносеологических» и иногда «онтологических» идей, Плеханов считал *важной и неотъемлемой частью истории философии историю социологических идей, а также историю философских идей в сферах этики и эстетики*. История философии, с его точки зрения, органически включает в себя не только историю развития взглядов о наиболее общих законах бытия и познания, но и историю взглядов о развитии общества и его законах.

В центре историко-философского исследования у Плеханова, как то показывают его труды «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Очерки по истории материализма», «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» и др., как правило, стоит история учения об обществе и его законах, история социологических воззрений. И дело не только и не столько в том, что Плеханов, обращаясь к истории философии, иногда недооценивал роль теории познания и логики, сколько в том, что он справедливо придавал важное значение социологическим взглядам, которые почти на всех ступенях истории занимали первостепенное место в развитии философской мысли, ибо они более живо, чем какие-либо другие вопросы философии, волновали людей, более остро и непосредственно затрагивали их жизненные, общественные интересы. Плеханов видел, что идеологи консервативных и реакционных слоев, стремясь увести общество от животрепещущих проблем, были склонны замолчать как современные вопросы социальных преобразований, вопросы социологии и политики, так и наиболее острую постановку этих проблем в историко-социологических трудах предшествовавших мыслителей. В значительной мере именно поэтому из официальных историко-философских курсов и трудов буржуазных историков философии часто

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 502.

исключалась история социологических учений. Критикуя книги Ф. Ланге, Жюля Сури, Ф. Ибервега и других по истории философии, Плеханов говорит, что они из истории философии берут лишь то, что относится к натурфилософии и морали, и совершенно игнорируют социальную-исторические воззрения мыслителей, особенно философов-материалистов XVII—XVIII вв.

В своем предисловии к «Очеркам по истории материализма» Плеханов говорит: «Философы-материалисты XVIII века, во всяком случае те из них, которые примыкали к Локку, в такой же мере имели свою философию истории, как и свою философию природы. Чтобы убедиться в этом, достаточно только прочесть с некоторым вниманием их произведения. Поэтому историки философии безусловно должны были бы изложить и подвергнуть критике исторические идеи французских материалистов, как они изложили и подвергли критике их понимание природы. Эта задача, однако, не была решена... Если принять еще во внимание, что этика французских материалистов почти всегда истолковывалась превратно, то придется признать, что очень многое в истории французского материализма XVIII века нуждается в поправках»¹.

Еще большая несправедливость допускается в буржуазных курсах и книгах по истории философии в отношении Маркса, особенно его материалистического понимания истории. «...Ни историки философии вообще, ни историки материализма в частности не дают себе даже труда упомянуть о его материалистическом понимании истории»².

Считая, что такое положение должно быть исправлено и центр внимания в исследовании истории философии должен быть перенесен на историю социально-исторических идей, Плеханов замечал, что палку, согнутую в одну сторону, для выпрямления необходимо даже перегнуть в обратную.

Плеханов, по справедливости осуждавший модную «теоретико-познавательную схоластику» реакционной буржуазной философии 70—90-х годов XIX в., вместе с тем обнаружил в некоторых своих работах известную

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 34.

² Там же.

односторонность. В его работах допускалась недооценка роли теории познания в истории философии, он недостаточно обратил внимания на теорию познания французских материалистов и теорию познания Маркса; хотя Плеханов и старался, говоря его словами, «точно изложить их взгляды в этом пункте», но ошибался, поскольку считал этот пункт «второстепенным вопросом».

Плеханов в трудах по истории философии, концентрируя свое внимание на решении проблем развития человеческого общества, показывает, что материалистический подход к решению этого вопроса зарождался и возникал у мыслителей до Маркса, но подлинно научного решения проблем социологии философы до Маркса дать не могли и не дали.

Плеханов, однако, отнюдь не считал, что история философии может быть сведена к истории социологических идей, как не может быть она сведена к истории гносеологических, натурфилософских и т. п. идей. Не думая ограничиваться историей социологических учений, он прежде всего берет для исследования те отрасли философского знания, которые ближе стоят к интересам борющихся классов, те философские идеи, на историческом развитии которых можно лучше всего проследить зависимость философии в конечном счете от интересов борющихся классов, от экономического базиса общества, активную роль философии в общественных движениях, в жизни общества.

В своих работах по истории философии Плеханов стремился раскрыть закономерности исторического процесса развития философских идей, не ограничиваясь лишь изложением этих идей и оценкой их с позиций марксизма. Ставя своей задачей разработать марксистский научный метод исследования истории философской мысли и познания закономерностей ее развития, Плеханов критикует эмпирический способ изложения истории философии (у Ибервега и других историков философии), который состоит в простом изложении одной философской системы вслед за другой и часто связан с идеалистическим представлением, будто одна система порождает другую, а эта другая в свою очередь — третью и т. д. По мнению Плеханова, последовательность философских систем есть только факт, который требует своего научного объяснения. Такого научного объясне-

ния не могут дать ни ссыла на «имманентную диалектику умозрительных процессов», которую вслед за Гегелем делает Ибервег, ни свойственные многим просветителям-идеалистам и субъективному социологам утверждения о полной зависимости развития или застоя идей, в том числе и философских взглядов, от воли, желаний и поступков идеологов, от их ошибок, слабостей, произвола и т. п.

Плеханову чужда буржуазно-объективистская историко-философская концепция Ибервега, исходящая из того, что характерной чертой развития философии является не только борьба, но одновременно и стремление к примирению между отжившими религиозными убеждениями, с одной стороны, и достигнутыми познаниями в области естественных наук и наук о духе — с другой. Плеханов требует всестороннего, диалектического подхода к истории философских идей, опирающегося на материалистическое понимание истории; он исходит из того, что главным содержанием истории философии является борьба материализма с идеализмом.

Критикуя Ибервега, Плеханов в «Очерках по истории материализма» стремится определить научный метод историко-философского исследования. Он говорит, что историк философии должен идти дальше Ибервега, который лишь констатирует наличие борьбы и «стремление к примирению» между религиозными убеждениями, с одной стороны, и научными знаниями — с другой. Историк философии обязан задать себе следующие вопросы: «1) не были ли традиционные религиозные убеждения естественным продуктом некоторых фаз социального развития; 2) не имели ли открытия в области естественных и гуманитарных наук («наук о духе» по терминологии Ибервега. — М. И.) свой источник в предыдущих фазах этой эволюции (т. е. социального развития. — М. И.); 3) наконец, не одна ли и та же эволюция, имевшая в одном месте или в один период времени более быстрый, в другом месте или в другой период более замедленный темп и видоизменявшаяся в зависимости от множества местных условий, вызывала как борьбу между верованиями и новыми взглядами, приобретенными современной мыслью, так и перемирие между двумя ведущими борьбу силами, умозрительные

принципы которых переводят условия этого перемирия на «божественный язык» философии?»¹

В этих вопросах находит свое выражение научный подход Плеханова к истории философии с точки зрения исторического материализма.

«Рассматривать историю философии с этой точки зрения — значит рассматривать ее с материалистической точки зрения»².

Следовательно, Плеханов предъявляет к любому историко-философскому исследованию ряд требований: во-первых, оно должно выяснить зависимость развития философских идей, в данном случае религиозных убеждений и связанных с ними идеалистических философских учений, от социального развития (это требование в полной мере относится и к истории материализма); во-вторых, выяснить зависимость развития естествознания, а значит, и связанной с ним материалистической философии, а также психологии, истории литературы и искусства, исторической науки и других гуманитарных наук, в неменьшей мере связанных с философией, от социального развития на различных фазах истории. Зная эту зависимость, исследователь сможет определить, почему открытия естествознания и развитие наук о «человеческом духе» могут плодотворно или замедляюще действовать на развитие определенных философских систем. В-третьих, историко-философское исследование предполагает научный анализ неравномерности социально-исторического развития на различных ступенях жизни общества, исторических его особенностей в различных странах, что вызывало в одних случаях борьбу науки и религии, в других случаях — временное их примирение в некоторых философских учениях. Таким образом, в процессе историко-философского анализа могут быть выяснены те влияния, которые оказывали социально-исторические явления на развитие философской мысли.

Эти методологические требования были большой, серьезной программой историко-философского исследования, которую Плеханов стремился осуществить в своих историко-философских работах, особенно в «Очерках

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 174.

² Там же.

по истории материализма», в статье «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», в статьях об утопическом социализме и др.

Но применение Плехановым этих правильных методологических принципов к конкретному исследованию историко-философских проблем не обходилось без ошибок. Например, в «Очерках по истории материализма» Плеханов считал, что в отличие от французских материалистов, которые, разбирая прежние философские системы, черпали оттуда аргументы в пользу своих взглядов для уничтожения взглядов своих идеалистических предшественников, Гегель якобы «не оспаривает систем своих предшественников: он считает их различными ступенями развития *«единой философии»*»¹. Это утверждение верно лишь отчасти, по отношению к тем оценкам, которые Гегель дает предшествовавшим идеалистическим системам и то не всем (так, например, он критиковал и агностицизм Канта и субъективный идеализм Беркли, Фихте и пр.). Но это неверно по отношению к гегелевской оценке материализма. Увлечение Плеханова методом «антитезы», в данном случае противопоставление Гегеля французским материалистам, помешало ему на этот раз увидеть, что Гегель не только третировал материализм в истории философии, как верно заметил Ленин в «Философских тетрадах», но и боролся против него.

Будучи увлечен рациональной, диалектической мыслью Гегеля о том, что философская мысль в любую эпоху есть результат предшествующего развития философии, Плеханов в данном случае не критикует попытку Гегеля игнорировать борьбу материализма и идеализма (что достигается за счет исключения материализма из истории философии). Он цитирует слова Гегеля о том, что последнее «по времени философское учение есть результат всех предшествующих философских учений и должно поэтому содержать в себе принципы всех их; поэтому, если только оно представляет собою философское учение, оно есть самое развитое, самое богатое и самое конкретное»². Но сам Плеханов не забывает о борьбе материализма с идеализмом.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 135.

² См. там же.

Плеханов подчеркивает необходимость критического, научного подхода к истории философии и всей общественной мысли прошлого. Он говорит, например, о том, что французские материалисты XVIII в., французские историки времен реставрации, Гегель по ряду проблем философии и социологии дали много ценного, научного и вместе с тем не создали цельных научных систем. Он высоко ценит диалектическую точку зрения Гегеля, его мысли о преемственности и внутренней закономерности развития философских идей, справедливо замечает, что только при таком взгляде на историю философии она могла стать предметом научного анализа. При этом Плеханов считает, что Гегеля справедливо обвиняли в бесцеремонном обращении с историческими данными, хотя в домарксистский период его лекции по истории философии «представляют собою наилучшую историю философии, т. е. самую поучительную, проливающую самый яркий свет на теоретическое содержание различных философских учений»¹.

Следовательно, и этой своей мыслью Плеханов подчеркивает недопустимость вульгаризаторского, нигилистического подхода к буржуазной общественной науке прошлого, в том числе к истории философии, учит видеть в ней элементы объективной истины, ценные рациональные зерна и вместе с тем раскрывать классовую и теоретическую ограниченность прежних учений об обществе.

Вместе с тем в работах Плеханова по истории философии проявляется серьезная односторонность, присущая работам и других теоретиков II Интернационала. Плеханов, хорошо понимая, что с возникновением марксизма произошла философская революция, однако, очень часто в своих работах, особенно в меньшевистский период, подчеркивал главным образом то, что соединяет философские системы прошлого с марксизмом, то, что соединяет их друг с другом, но гораздо меньше внимания обращал на то, что отличает друг от друга, не выяснял должным образом, всесторонне коренное отличие диалектического материализма от домарксистских философских учений.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 644.

В статьях, направленных против бернштейнцев, в «Очерках по истории материализма» и других работах Плеханов, желая показать, как далеко неокантианцы ушли вправо от Канта, отступили от материалистического элемента, содержащегося в философии Канта, увлекается, впадает в односторонность и допускает ошибку. Он отыскивает черты сходства философской системы Канта, с одной стороны, с учением французских материалистов — с другой, преувеличивает эти черты сходства, не обращая должного внимания на то, что отделяет друг от друга эти противоположные философские направления. Мало того, он неправоммерно сближает агностицизм Канта и позитивизм Спенсера с далекими от агностицизма, хотя и неточными, метафизическими положениями Гольбаха и других французских материалистов о том, что мы можем познать при помощи наших чувств свойства вещей, но не знаем их природы, «сущности». Так, в статье «Материализм или кантианизм» Плеханов пишет: «..Материализм представляет собою учение метафеноменалистическое, потому что он не подвергает сомнению ни существование вещей вне сознания, ни их действие на нас. Но так как он в то же время признает, что мы познаем вещи в себе только благодаря тем впечатлениям, которые вызываются их действием на нас, то у него нет ни надобности, ни логической возможности считать явления вещами в себе. В этом отношении он несколько не расходится с кантианизмом, несмотря на свой метафеноменалистический характер. Разница между материализмом и кантианизмом обнаруживается лишь дальше. Признав вещи в себе причинами феноменов, Кант хочет уверить нас, что категория причинности не имеет никакого применения к вещам в себе. Материализм же, который тоже считает вещи в себе причиной феноменов, не впадает в противоречие с самим собою. Вот и все»¹.

Подчеркивая то, что сближает материалистическую философию XVIII в. с материалистическим элементом в противоречивой дуалистической системе Канта, Плеханов отвлекается от агностицизма и дуализма Канта, которые во многом противоположны материалистической

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 436.

философии, и видит разницу между этими борющимися направлениями только лишь в характере феноменализма Канта, в ограниченной применимости категорий его логики лишь в сфере явлений. Здесь же Плеханов допускает ошибку, сближая теорию познания материализма с «теорией соответствия» позитивиста-агностика Спенсера, согласно которой «ощущения, вызванные в субъекте с действием на него объекта, совсем не похожи на этот последний, как не похожи они и на субъекта, — но тем не менее *каждому изменению в объекте соответствует изменение его действия на субъект*». Он приходит к неправильному выводу, что агностическая «теория познания Спенсера, — *в тех границах, в которых я пользуюсь ею* здесь, — составляет лишь дальнейшее развитие идей французских материалистов восемнадцатого столетия»¹.

Таким образом, неправоммерно сближая теорию познания французских материалистов с агностической теорией познания Канта, Плеханов совершает и другую ошибку, объявляя агностика-позитивиста Спенсера последователем теории познания французских материалистов.

Иногда у Плеханова встречаются формулировки, свидетельствующие о том, что философские направления прошлого, существенно отличавшиеся друг от друга по идейному содержанию, не только им не различаются, но даже сближаются. Примером этого является оценка им философии Спинозы. Слово «спинозизм» часто употребляется Плехановым как синоним слова «материализм». Плеханов прав в том отношении, что он видит главное в воззрениях различных материалистических учений, а именно их стремление объяснить мир из него самого, считать материю вечной и объективно существующей, т. е. субстанцией. Он прав, когда подчеркивает материалистическое решение проблемы объекта-субъекта, бытия и мышления в различных материалистических учениях. Именно это он и называет «спинозизмом». Но Плеханов не показывает существенных различий между французскими материалистами, а затем и Фейербахом, с одной стороны, и Спинозой — с другой. Утверждая, что «*материалистическая философия Фейербаха была, как и философия Дидро, лишь*

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 438.

*родом спинозизма»*¹, он показывает лишь общее между этими разновидностями метафизического материализма и не учитывает, что французские материалисты не только устранили «теологический привесок» в материалистической философии Спинозы, но и во многом освободились от фатализма Спинозы и связывали материалистическую философию с политической борьбой своего времени, а в философском учении некоторых из них, особенно Дидро, уже сильны элементы диалектики. Плеханов не показывает, что философия Фейербаха представляет собой антропологический материализм, значительно отличавшийся от механистического материализма XVII—XVIII вв., что в центре внимания этой философии стоит человек, его потребности, нужды и стремления, чего не было еще в абстрактно-геометрической созерцательной системе Спинозы и т. п. Мало того, подчеркивая общее, что связывает между собой различные материалистические учения, Плеханов утверждает, что «Маркс и Энгельс в *материалистический* период своего развития никогда не покидали точки зрения Спинозы»². Эти формулировки Плеханова свидетельствуют о том, что он не всегда последовательно проводил марксистский принцип историзма в применении к истории философии, не подчеркивал глубокого качественного различия между мировоззрением пролетариата — диалектическим и историческим материализмом — и до-марксистскими материалистическими учениями, в частности спинозизмом.

Подобные формулировки в известной мере шли по той линии, которая была присуща ряду марксистов-теоретиков II Интернационала, т. е. по линии сближения марксизма с предшествующими ему прогрессивными философскими учениями. Но Плеханов — лучший из теоретиков-марксистов II Интернационала — все же ясно понимал сущность философии марксизма и, хотя преувеличивал иногда роль лучших философских традиций прошлого в современном развитии марксизма, в своих трудах, особенно до 1903 г., научно, по-марксистски подходил к истории философской мысли.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 359.

² Там же, стр. 360.

Марксистский методологический подход Плеханова к истории философии, основанный на принципах диалектического и исторического материализма, имел особую ценность в применении к истории материализма.

Плеханов — историк материализма. Труды Плеханова по вопросам истории философии посвящены преимущественно истории материализма. Истории идеалистической философии специально посвящены только следующие работы: «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», глава о немецком идеализме в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в известной мере статья «От идеализма к материализму», касающаяся философской эволюции Маркса; статьи о Жан Жаке Руссо, Чаадаеве. Эти вопросы затрагиваются также в критических статьях и рецензиях о современной буржуазной философии и философском ревизионизме, в которых Плеханов рассматривает вопрос о кантианстве и юмизме. К тому же и в работах, посвященных истории классической немецкой философии, главным образом трактуется вопрос о ее диалектике, а не об ее идеализме. Почти все труды Плеханова, носящие историко-философский характер, посвящены анализу истории материалистической философии и ее борьбе с идеализмом.

В своих крупных трудах по истории материализма («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Очерки по истории материализма», «Н. Г. Чернышевский», «Основные вопросы марксизма», работы «О материалистическом понимании истории», предисловие и примечания к книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и др.) Плеханов рассматривал историю развития материалистического мировоззрения в ходе его борьбы с идеализмом и религией как закономерный и поступательный процесс движения философской мысли человечества от незнания к знанию, от низшего к высшему.

Обращаясь преимущественно к истории материализма и его борьбы с идеализмом нового времени на Западе и особенно выделяя период развития философии с конца XVIII в., Плеханов считал, что «в первой половине нашего [XIX] столетия в философии господствовал *идеалистический* монизм; во второй половине его в науке, с которой тем временем совершенно слилась

философия, восторжествовал *материалистический* монизм, далеко, впрочем, не всегда последовательный и откровенный»¹.

Рассматривая в различных аспектах историю философской мысли XVIII—XIX столетий и совершая исторические экскурсы в более ранние периоды развития философской мысли (древняя Греция, Западная Европа XVI—XVII вв. и др.), Плеханов всегда прослеживал противоположность и борьбу материалистического и идеалистического направлений. Он резко и убедительно критиковал промежуточные, дуалистические системы, осуждал имевшиеся и в прошлом и в современную эпоху попытки «подняться выше» партий в философии — материализма и идеализма. Он считал необходимым выступить с критическими замечаниями в адрес немецкого социал-демократа — талантливого поборника диалектического материализма И. Дицгена, допускавшего в своих сочинениях неточные формулировки о «преодолении односторонности» материализма и идеализма. В статье «Иосиф Дицген» Плеханов показывает превосходство последовательной диалектико-материалистической точки зрения Маркса и Энгельса на историю философии. И. Дицген, писал Плеханов, поверхностно ознакомился с сочинениями французских материалистов и потому «...решил, что материализм в самом деле... односторонен, и взялся за «уничтожение» его односторонности, за «примирение» его с идеализмом. Такой метод «уничтожения противоположностей» был, конечно, заранее осужден на полную неудачу... Маркс и Энгельс, основательно знакомые как с идеализмом, так и с материализмом, не «уничтожали» противоположности между этими двумя концепциями, а решительно объявили себя материалистами»².

Нужно сказать, что тот же недостаток, что и у Дицгена, Плеханов в основном верно заметил и у А. И. Герцена в «Письмах об изучении природы», но сделал неверный вывод, будто Герцен критикует материализм XVII—XVIII вв. с позиций объективного идеализма.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 510.

² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 115, 116.

Обращаясь к истории зарождения и развития философских идей как идеалистических, так и материалистических, Плеханов стремился раскрыть не только их глубокие социальные источники, но и их гносеологические корни. Он считал, что идеалистические взгляды восходят своими корнями к представлениям первобытных дикарей о душе, как некоем духе, находящемся в живом теле и господствующем над ним. Согласно этому анимистическому (аніма — душа) взгляду дикарей, духи управляют и миром; эти представления древних о существовании души (сознания) и природы (материи) впоследствии легли в основу идеалистических философских систем. Плеханов пишет: «...те представления о духах, которые имелись у первобытного человека, должны были пережить очень длинный процесс *дистилляции* (как выражался Энгельс), чтобы слиться в представление абсолютного духа, выработанное великими немецкими идеалистами. Но длинный процесс «дистилляции» не мог внести никаких *существенных* перемен в анимистические представления: *по существу* они остались тем же, чем были»¹.

В первобытном обществе, с точки зрения Плеханова, зарождалось стихийно также и представление о мире как он есть, т. е. о мире без всяких посторонних прибавлений. Проследивая возникновение научного взгляда на мир в древней Греции, связанное с изучением объекта, природы, с наблюдениями над явлениями природы в процессе практической деятельности людей, Плеханов справедливо замечает, что «смотреть на явления природы с точки зрения науки — значит объяснять их не действием того или другого духовного существа, а законами той же природы. Увеличить свою власть над природой людям удастся лишь в той мере, в какой они подмечают закономерную связь явлений»².

Такого научного взгляда на природу в условиях первобытного общества еще не могло быть, хотя наблюдения, часто меткие и верные, за явлениями природы в процессе овладения силами природы у первобытных людей уже были.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 618.

² Там же.

В ходе критики махистских взглядов Богданова Плеханов доказывает, что неправильно искать корни философии в разделении первобытного общества на «организаторов» и «исполнителей», т. е. на старейшин и военачальников, с одной стороны, и рядовых людей общества — с другой. Он утверждает, что не в так называемой авторитарной организации коренится происхождение религии и философии. С точки зрения Плеханова, корень и религии и идеалистической философии, которая выросла из анимистических представлений, один и тот же, он заключается в низком уровне производительных сил, в слабости первобытного человека перед стихийными силами природы.

В первобытном обществе, полагает Плеханов, рождаются анимистические представления дикаря, представления о самостоятельном существовании души от тела и даже о господстве «духов» над миром. Но это еще не философия, не специфическая совокупность взглядов, отвечающих на вопрос об отношении мышления к бытию. Плеханов не без основания считает, что даже на первых стадиях существования древнегреческого общества мыслители не отделили бытие от сознания, материю от мышления. На ранних стадиях древнегреческой философии вся природа в целом, не только бытие, но и познание рассматривались как состоящие из «основного вещества», «первовещества», которым Фалес считал воду, Анаксимен — воздух, и т. д.

У древнегреческих мыслителей, в частности у представителей ионийской школы, есть уже научные для того времени представления о природе, космосе, объекте и т. д.

Главный вопрос философии, противопоставляющий бытие и мышление, возникает сравнительно позднее. Наступает, говорит Плеханов, такое время, когда и греческой философии нельзя было избежать вопросов об отношении бытия к мышлению, когда произошло разделение философов на два лагеря в соответствии с ответом, который давали они на главный вопрос философии.

Плеханов вслед за Энгельсом исходит из того, что основной причиной, в силу которой произошло это разделение философов на два лагеря по решению главного вопроса философии, явилось отделение умственного

труда от труда физического; такое разделение произошло в условиях классового, рабовладельческого общества. Тогда же вопрос об отношении мышления к бытию сделался коренным вопросом философии, таким он остался и в настоящее время. Более подробного и сколько-нибудь детального объяснения социальных корней происхождения философии в древнем рабовладельческом обществе Плеханов не дает.

Плеханов обстоятельно говорит о причинах, в силу которых возникший на ранних стадиях истории философской мысли идеализм, выросший из анимистических представлений первобытного человека, был длительным временем, включая эпоху капитализма, господствующим мировоззрением в обществе, хотя преимущества материализма, как научного взгляда на природу, очевидны.

Это объясняется, по мнению Плеханова, двумя причинами: во-первых, тем, что «в течение очень долгого времени естествознание подвигалось вперед так медленно, что не могло выбить анимизм из всех его позиций», во-вторых, тем, что «усложнилась общественная жизнь и участились сношения между отдельными обществами, образовалась даже совершенно новая область явлений, долго не поддававшаяся научному исследованию и потому объяснявшаяся анимистически посредством ссылки на деятельность того или другого бога»¹. Речь идет о сфере социальной жизни, о взаимной борьбе классов, о войнах между народами и т. д., где часто результаты действий людей вовсе не таковы, каких они желали. Это приводило к представлению о существовании могущественных «небесных сил», у которых люди искали помощи и поддержки. В связи с этим Плеханов делает верное замечание, что «такая вера и такая склонность замечается даже у тех выдающихся мыслителей, которые выступали вожаками цивилизованного человечества на пути научного понимания мира»². Здесь Плеханов отмечает неоднократно встречавшиеся в истории случаи, когда идеологи прогрессивных и даже революционных сил общества облакали свои взгляды в религиозно-мистическую форму.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 620.

² Там же.

- Но господство идеализма, как показывает Плеханов, коренится не только в этих двух причинах. Религия и связанный с нею философский идеализм освещают данный общественный порядок, защищают господствующую политику и нравственность, они обосновывают и защищают те «устои», которыми дорожат все консерваторы, т. е. представители классов и социальных групп, заинтересованные в сохранении существующих общественных порядков.

Плеханов говорит в связи с этим: «И если класс, господствующий в данном обществе, выдвигает из своей среды людей, занимающихся вопросами теории вообще и вопросами философии в частности, то эти люди, наверно, будут заклятыми врагами такого философского учения, которое, распространяя понятие естественной законосообразности на все миропонимание, подрывает самую основу религиозных верований»¹.

Плеханов утверждает, что идеологи господствующих классов делают все, чтобы очистить философию от «разрушительных» элементов.

Философы-сикофанты, сознательные лицемеры из среды идеологов реакционных классов всячески клеветали на материализм и сознательно преследовали его в интересах представляемых ими классов, для того чтобы помешать распространению материалистических понятий о естественной закономерности природных и общественных явлений, которые влекут за собой выводы о необходимости социальных преобразований.

Ясно представляя развитие философии как процесс борьбы материализма с идеализмом, Плеханов не считал материализм чем-то раз навсегда данным и неизменным, а прослеживал его историческое развитие.

Говоря в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» о материализме в общепhilosophическом смысле, Плеханов отмечал, что «время возводило на его основном положении самые разнообразные надстройки, которые придавали материализму одной эпохи совершенно иной вид сравнительно с материализмом другой»².

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 621.

² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 509.

Плеханов не ставил перед собой задачу рассмотрения различных форм и видов материалистической философии, развивавшихся в ходе истории, и не задавался специально вопросом о причинах возникновения этих форм и видов материализма. Но анализ материалистических учений, данный Плехановым в работе: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в «Очерках по истории материализма», в «Основных вопросах марксизма» и других его произведениях, свидетельствует о том, что причинами перехода одной стадии материализма в другую он считает в конечном счете развитие общественных отношений на основе материального производства и вытекающие из него интересы борьбы передовых сил общества против религии и идеалистических учений, отстаивающих позиции реакционных сил общества.

Вместе с тем Плеханов придает большое значение в истории философии преемственности материалистических традиций. Как бы ни менялись различные виды материализма, как бы ни усложнились «надстройки» над основными положениями материализма, тем не менее основы материалистического взгляда, заложенного в глубокой древности, сохраняются. *Современный материализм*, говорит он в «Основных вопросах марксизма», представляет собой высшую в настоящее время ступень развития того *взгляда на мир*, основы которого были заложены еще в древней Греции Демокритом, а отчасти и предшествовавшими Демокриту ионийскими мыслителями¹.

Если внимательно проанализировать все, что написано о материализме в работах Плеханова, то станет ясным, что он различает в истории материалистической философии следующие главные стадии: 1) наивный материализм античного общества, который он иногда называет «гилосоизмом», 2) метафизический материализм нового времени, типичными представителями которого он считает Спинозу и французских материалистов, и 3) «современный материализм», под которым имеется в виду марксизм. К сожалению, Плеханов не всегда последовательно проводит эту точку зрения и

¹ См. Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 124.

в разряд современного материализма иногда зачисляет и философию Фейербаха, забывая в данном случае коренное различие диалектического материализма Маркса и Энгельса и метафизического материализма Фейербаха.

Показав, что есть различные стадии в развитии материализма, Плеханов раскрывает характерные черты материалистической традиции, идущей от глубокой древности, черты, присущие всем видам материализма. Характерной чертой материалистической традиции, сохраняющейся во всех материалистических учениях, по мысли Плеханова, является прежде всего материалистический монизм, т. е. последовательное выведение всех явлений из одного источника — из материи, природы. Материалистический монизм устраняет дуализм материи и духа, считая природу основой, источником психических, духовных явлений, хотя научный, сознательный философский материализм отнюдь не сводит психические явления к материальным; исключения составляют лишь некоторые представители наивного материализма в древности и вульгарные материалисты нового времени, отождествляющие духовные явления с вещественными.

Важной чертой материалистической традиции, переходящей из поколения в поколение, по Плеханову, является то, что мир объясняется из него самого, как вечный, несотворенный и неуничтожимый. Правда, отмечает Плеханов, есть и непоследовательные материалисты, которые допускают в своих материалистических учениях теологические привески (в качестве примера он приводит Бэкона, Спинозу и очень часто английского ученого химика и философа Пристли). В целом же материализм характеризуется тем, что объясняет все явления природы действием ее собственных законов, не прибегая к фантазии.

Характерной чертой материализма на всех стадиях его развития является также то, что он опирается на естествознание, связан с наукой в противоположность идеализму, как правило, связанному с религией.

Высоко по достоинству оценивая материалистическое учение Спинозы, Плеханов вовсе не пытается все многообразие форм материализма сводить к созерцательной, метафизической, абстрактно геометрической системе Спинозы. И когда он говорит о «спинозизме»,

это надо понимать как синоним материализма. Словом «спинозизм» он обозначает характерные черты всякого материалистического мировоззрения, ясно определившиеся в системе Спинозы.

В сочинениях Плеханова отмечаются и другие черты и стороны материалистического мировоззрения домарксистской эпохи, например механистическое представление о материи, движении и его формах, абсолютный детерминизм и отрицание случайностей в природе и истории, представление о сознании, как простом отражении материи и т. п. Но они справедливо представляются ему не обязательными чертами всего философского материализма, а элементами исторически переходящими, временными, присущими лишь некоторым материалистическим учениям.

Плеханов умел защищать и страстно защищал лучшие традиции материализма. Особенно высоко ценил он французский материализм XVIII в., рассматривая его как научное объяснение природы, которое опирается на естествознание. «...У французских материалистов, — писал Плеханов, — была та неоспоримая и незаменимая заслуга, что они мыслили последовательно с точки зрения *современной им науки*, а это все, чего можно и должно требовать от мыслителей»¹. В материализме французов XVIII в. он видел последовательный и «бесстрашный» сенсуализм в теории познания. Теории французских просветителей и материалистов он считал идеологией, которая подготовила французскую революцию, проложила путь революционным идеям якобинцев и утопическому социализму.

Блестяще раскрыт в сочинениях Плеханова классовый характер, атеистический смысл философии и этики французских материалистов. «Материалистическая философия XVIII века, — пишет он в «Очерках по истории материализма», — была философией революционной. Она была лишь идеологическим выражением борьбы революционной буржуазии против духовенства, дворянства и абсолютной монархии. Само собою разумеется, что буржуазия в своей борьбе против отжившего строя не могла отнестись с уважением к перешедшему от

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 513.

прошлого и освящающему именно этот презируемый строй мировоззрению... «Религиозная мораль» проповедовала покорение, умерщвление плоти, уничтожение страстей. Она обещала всем тем, кто страдает здесь на земле, награду в загробной жизни. Новая же нравственность реабилитировала плоть, восстановила страсти в их правах и сделала общество ответственным за несчастье его членов. Она хотела, как хотел и Гейне, «основать уже здесь, на земле, царство небесное»¹. Выясняя метафизическую ограниченность французского материализма, Плеханов вместе с тем видит, что некоторые его представители стихийно, ошупью подходят к диалектическому взгляду на мир. «*Все в природе совершается и действует само собой. Это диалектическая точка зрения*, — пишет Плеханов. — Гельвеций только чувствует, что эта точка зрения самая плодотворная и правильная в науке... «*Основа жизни, которая, развиваясь в величественном дубе, поднимает его стебель, вытягивает его ветви, утолщает его ствол и делает его царем лесов, является в то же время основой его гибели*». Здесь Гельвеций опять говорит, как диалектик, понимающий нелепость абстрактного и абсолютного противопоставления *полезного и вредного*. Здесь он опять вспоминает, что всякий процесс эволюции имеет свои имманентные и непреложные законы»².

Плеханов анализирует процесс развития философских и социологических идей в рамках того течения, которое именуется французским материализмом; он не ставит, например, знака равенства между взглядами Ламеттри (наиболее типичного представителя механицизма и натурализма в понимании природы человека и общественной жизни) и взглядами Гольбаха и Гельвеция, у которых, особенно у последнего, есть серьезные зачатки материалистического понимания истории.

Плеханов раскрывает внутренние противоречия, свидетельствующие о силе и слабости философской концепции французского материализма. С одной стороны, с точки зрения французских материалистов человек со своими мнениями — плод окружающей среды (в этом сказывается развитие сенсуалистических идей Локка),

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 45—47.

² Там же, стр. 121—122.

с другой стороны, сама среда есть результат законодательства правителей, мнения идеологов и т. д. Следовательно, мнения людей правят миром, как утверждают французские материалисты вслед за Вольтером и другими просветителями, оставаясь в данном случае на позициях идеализма в социологии. Дальше этой постановки вопроса материалисты XVIII в. не пошли. Они не решили вопроса, что же определяет и общественную среду и мнения человека, в чем суть развития человеческого общества, т. е. вопроса о материальном производстве как основе общественной жизни.

Плеханов показывает, что в неспособности выйти из указанного противоречия заключается слабость французского материализма, поставившего перед историей необходимость решить эту задачу. В гносеологическом плане неспособность французских материалистов решить поставленную задачу проистекает от незавершенности, ограниченности, а следовательно, односторонности французского материализма, который не распространяется на историю общества, во-первых, и, во-вторых, из его метафизического, антиисторического подхода к явлениям, в результате которого и среда и «природа человека» рассматриваются антидиалектически как нечто раз навсегда данное, не подвергающееся воздействию и изменению в результате практической деятельности людей. Ахиллесову пяту всего старого материализма, в том числе и французского, Плеханов видит в метафизическом подходе к пониманию природы, в том числе и природы человека, в непонимании качественного своеобразия общественной среды и ее внутренних противоречий.

Историю общества старый материализм объясняет историей природы, которая, по его убеждению, важнее всего для определения природы человека. С точки зрения этого материализма изучать надо не жизнь общественного человека, как *она развивалась* и *какой она стала*, а *какой она должна быть* сообразно «природе человека».

Плеханов в общем верно решил и вопрос о так называемом фатализме французских материалистов. Он видел, что нельзя представлять французский материализм как типичное фаталистическое учение по аналогии с идеалистическими взглядами старых теологов.

Французский материализм вовсе не считал общественную жизнь заранее предустановленной, совершающейся по каким-то неведомым, сверхъестественным законам, на которые человек не может оказать никакого влияния. Наоборот, французский материализм, как это показывает Плеханов, придавал большое значение распространению просвещения, знаний и считал, что от деятельности людей много зависит в судьбах общества. Поэтому фатализма в смысле признания общественных порядков неизменными, предустановленными божеством или другой сверхъестественной силой у французских материалистов не было. И все же в их философских и социологических взглядах заключался фатализм. Этот фатализм в учении французских материалистов сказывался, во-первых, в том, что человеческая природа рассматривалась ими как нечто раз навсегда данное и неизменное, поэтому считалось, что люди во всей их деятельности не в состоянии эту природу изменить, а должны приспособлять общественное устройство к требованиям этой, якобы вечной и неизменной человеческой природы, которая как бы фатально предопределяет, какие общественные отношения ей «соответствуют» и какие нет. Во-вторых, не зная закономерностей общественной жизни, французские материалисты нередко прибегали к вульгарно-материалистическим и натуралистическим объяснениям общественных явлений, считали, что то или иное историческое событие зависит от случайности, часто физиологической, например от того, что «шальной атом» попал в голову законодателя, от каприза фаворитки короля, побудившей его принять то или иное решение. Плеханов указывал, что раз французские материалисты для объяснения общественных явлений прибегали к подобного рода далеко не научным аргументам, то им оставалось признать, что общественные явления совершаются под действием неизвестных и неуловимых сил, которые под контроль общества не попадают и попасть не могут: тут, очевидно, содержатся серьезные элементы фатализма. И Плеханов был прав, когда говорил о непонимании французским материализмом не только исторической необходимости, но и случайности.

Плеханов, чуждый вульгаризаторства в оценке французских материалистов, справедливо считал их идеоло-

гами революционной буржуазии, он подчеркивал, что они отнюдь не являлись корыстными защитниками класса буржуазии, а были проникнуты благородными идеальными стремлениями. Лучшие представители буржуазии, писал он о французских материалистах в «Очерках по истории материализма», — «люди, обладавшие сердцем и умом, «мыслившие», по выражению Гольбаха, мечтали о царстве разума, о всеобщем счастье, о царстве небесном на земле»¹. Вместе с тем Плеханов, анализируя политические, социологические и философские взгляды Гольбаха и Гельвеция в «Очерках по истории материализма», раскрывает буржуазную ограниченность их прогрессивного для того времени мировоззрения. Доказывая, что идеалом Гельвеция — фанатического приверженца прогрессивного движения — является застой, после того как осуществляются и станут неизменными «принципы совершенного законодательства», т. е. идеалы буржуазии, Плеханов делает справедливый вывод: *«Метафизический материализм был революционен только наполовину. Революция была для него только средством (и притом лишь ввиду отсутствия мирных средств) раз навсегда достигнуть надежной и спокойной гавани... Две души — увы! — жили в его груди, как у Фауста и у буржуазии, самыми передовыми представителями которой были материалисты XVIII столетия»*².

В «Очерках по истории материализма» Плеханов показывает, что у ряда французских материалистов, например у Гельвеция, были серьезные попытки материалистического объяснения истории. Согласно Гельвецию, у всех народов, находящихся в одинаковом положении, имеются одинаковые законы, одинаковый дух, одинаковые страсти. Плеханов писал, что, по мнению Гельвеция, интерес, потребность — это великие, единственные учителя человеческого рода³.

Нельзя сказать, что Плеханов не допускал ошибок в оценке французского и всего старого материализма. Не сомневаясь в материалистическом характере миро-

воззрения французских энциклопедистов, Плеханов все же чрезмерно преувеличивал сенсуалистическую ограниченность этого мировоззрения, он подчеркивал те формулировки Гольбаха, Гельвеция и других французских мыслителей, которые были направлены против теологии и схоластического «рационализма» и содержали суждения о невозможности познания «сущности вещей», неправоммерно сближая точку зрения французских материалистов с кантовской философией. Было бы, однако, неверно утверждать, что французских материалистов Плеханов считал агностиками.

Плеханов не без основания видел общее у французских материалистов и Канта в том, что они признавали существование вещей вне нашего сознания и их влияние на наши органы чувств; но Плеханов был неправ, когда считал, что историки философии ошибаются, противопоставляя взгляды французских материалистов взгляду Канта. «...Это противопоставление совсем не основательно, — писал Плеханов, — и не трудно было бы показать, что и Кант и французские материалисты стояли в сущности на одной точке зрения, но пользовались ею различно и потому приходили к различным выводам,сообразно с различиями в свойствах тех общественных отношений, под влиянием которых они жили и мыслили»¹.

Факты истории философии XVIII в. противоречат этому суждению Плеханова, которое продиктовано его стремлением показать, что неокантианцы отошли от «исторического» Канта, который в свое время не был чужд материализма. Действительно, и Кант, который обращал свои критические стрелы против метафизики, и французские материалисты, которые, следуя Декарту, критиковали схоластику, были в философии представителями критической мысли нового времени, направленной против догматизма. Но глубокая и принципиальная разница и даже противоположность в их взглядах состояла в том, что французские материалисты боролись против догм схоластики, носивших идеалистический характер, и их скептицизм в отношении схоластических учений был исторически оправдан и носил

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 63—64.

² Там же, стр. 127.

³ См. там же, стр. 103.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 513.

прогрессивный характер, тогда как «критическая философия» Канта, выступая против «метафизики», подразумевала под «метафизикой» не только схоластику, но и прежде всего материалистические учения в философии и естествознании XVII—XVIII вв. и ее скептицизм носил характер агностицизма, был направлен на ограничение науки, для того чтобы дать место вере, и потому представлял собой серьезный шаг назад в развитии философской мысли. Поэтому допущенное в нескольких случаях Плехановым сближение агностической философии Канта с философией французских материалистов, которые, говоря его же словами, мыслили последовательно с точки зрения современной им науки, является неправомерным и ошибочным.

Не совсем был прав Плеханов и тогда, когда рассматривал как разновидность материалистического понимания истории натуралистические концепции французских материалистов в области социологии, т. е. их попытки обращаться к физиологическим потребностям людей как к мотиву их общественной деятельности. Так, в «Очерках по истории материализма» он утверждал, что философия энциклопедистов пыталась одновременно с материалистическим пониманием природы объяснить историю с материалистических позиций. Правда, Плеханов приводит целый ряд положений из сочинений Гельвеция «О человеке, его умственных способностях и его воспитании», свидетельствующих о том, что Гельвеций указывает на некоторые из экономических потребностей общества. Плеханов тут же говорил, что «большинство их ускользает от его (Гельвеция. — М. И.) взора», что сильнейшим рычагом исторического развития общества, по мнению Гельвеция, является увеличение общей суммы физиологических потребностей. Гельвеций ближе всех из французских материалистов приближался к точке зрения материализма при объяснении явлений общественной жизни. Однако он не встал на точку зрения исторического материализма, исходящего из того, что *общественная жизнь* людей определяется их *общественным бытием*, т. е. прежде всего развитием материального производства.

В целом, несмотря на эти отдельные ошибки, Плеханов ясно представляет и достоинства и недостатки старого материализма XVII—XVIII вв. Он видит его

уязвимые места, которые послужили объектом критики со стороны идеализма, особенно идеализма диалектического. Этими слабыми, уязвимыми местами материалистов XVII—XVIII вв. было не только метафизическое понимание «человеческой природы», как раз навсегда данной и неизменной, но и столь же метафизическое представление о всей предыдущей истории человеческой мысли, как галереи обманов и заблуждений. Старому материализму, и это ясно понимал Плеханов, было присуще неумение представить историю общества и человеческой мысли как специфические и закономерные процессы развития, непонимание активной, деятельной истории человеческого мышления, которое не только отражает мир, но и способно воздействовать на него, вести к его изменению и т. д.

«Бесспорно, — писал он, — слабая сторона французского материализма XVIII в., как вообще и всякого материализма до Маркса, состоит в почти полном отсутствии какой бы то ни было идеи эволюции. Правда, у таких людей, как Дидро, иногда бывали гениальные догадки, которые сделали бы честь самым выдающимся из наших современных эволюционистов; но эти прозрения не были связаны с сущностью их учения, они были только исключениями и, как исключения, только подтверждали правила. Будь то природа, мораль или история, «философы» приступали к ним при одинаковом отсутствии диалектического метода, с той же метафизической точкой зрения»¹.

Выяснив и правильно оценив недостатки и ограниченности, присущие не только учению французских материалистов XVIII в., но и всякому старому, метафизическому материализму, Плеханов раскрыл *тенденцию, направление, по которому закономерно должно было пойти и пошло развитие философской мысли, т. е. выявил закономерность и необходимость ее движения вперед от метафизики к диалектике*; это движение, как известно, было осуществлено в исторических условиях конца XVIII — начала XIX в. преимущественно учениями диалектического идеализма.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 43.

«...Бессилие французского материализма, — писал Плеханов, — перед вопросами развития в природе и в истории делало очень бедным его философское содержание. В учении о природе содержание это сводилось к борьбе против одностороннего понятия *дуалистов* о материи; в учении о человеке оно ограничивалось бесконечным повторением и некоторым видоизменением локковского положения: *нет врожденных идей*. Как ни полезно было такое повторение в борьбе против отживших нравственных и политических теорий, серьезное научное значение оно могло иметь только в том случае, если бы материалистам удалось применить свою мысль к объяснению духовного развития человечества»¹.

Для преодоления метафизического взгляда на человека и человечество и выработки научного взгляда на общество «материализм, — пишет Плеханов, — должен был покинуть сухие, отвлеченные рассуждения и попытаться понять и объяснить с своей точки зрения «живую жизнь», сложную и пеструю цепь конкретных явлений»².

Ограниченность старого материализма, в том числе материализма французских мыслителей XVIII в., выразившаяся в порочном круге взаимоотношений среды и мнений (мнения являются *следствием* социальной среды и, наоборот, мнения являются *причиной* тех или иных свойств среды), могла быть преодолена лишь при двух условиях. Во-первых, следовало отказаться от метафизической точки зрения, исключавшей идею развития, во-вторых, нужно было подняться выше «естественно-исторической» точки зрения и стать на почву социальной науки, т. е. открыть в самой социальной среде ее собственные законы развития.

Как правильно указывал Плеханов, материализм в своем тогдашнем виде был не способен решить эту задачу и за ее решение в конце XVIII — начале XIX в. принялась немецкая классическая философия. Она противопоставила метафизическому взгляду на мир диалектику, которая изучает все явления в их развитии, в их взаимной связи, раскрывает противоречия в их сущности и т. д.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 565.

² Там же, стр. 566.

Но, как выяснил Плеханов в своих работах, немецкая идеалистическая философия, чуждая материалистическому пониманию природы и истории, оказалась не в состоянии научно решить эту задачу. Ее решил в середине XIX в. только диалектический материализм.

Плеханов неоднократно подчеркивал значение материализма Фейербаха в истории философии, в идейном подготовке философии марксизма. Он отмечал, что в XIX в. «Маркс не первый восстал против идеализма. Знамя восстания было поднято *Людвигом Фейербахом*»¹. Показывая материалистический монизм Фейербаха, Плеханов критикует новейшие попытки сблизить его с махистскими доктринами, согласно которым материя есть «комплекс ощущений». «...Фейербах объявил бы такой монизм реставрацией идеализма, разрешавшего антиномию бытия и мышления посредством отнесения одной из ее сторон на счет другой: *бытия* на счет *мышления* или, в данном случае, *ощущения*»².

Заслугу Фейербаха Плеханов видит в критике религии, которую Фейербах считал бессознательным обоготворением сущности человека. «Мысля так, — отмечает Плеханов, — Фейербах заложил теоретическую основу для понимания религии как продукта общественного развития. Он сам говорил, что свойства бога изменяются сообразно с изменением сущности (*общественного*) человека»³. Вместе с тем Плеханов показывает, что Фейербах запутался в противоречии, утверждая, что всякая связь между людьми есть религия, что человек человеку — бог, и тем самым «с заднего крыльца» впускал новую религию, «религию любви», вместо отвергнутой старой религии.

В работах Плеханова выясняется связь материализма Фейербаха с его демократизмом; если для спиритуалиста достаточно духовной свободы, свободы в мысли, то Фейербах был сторонником свободы и счастья людей в реальной, общественной жизни. При этом Плеханов несколько преувеличивал степень революционности идей

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 602.

² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 674.

³ Там же, стр. 675.

Фейербаха, говоря в своей статье «От идеализма к материализму» о том, что «Фейербах был большим радикалом в политике и горячо сочувствовал освободительному движению своего времени»¹. Он забывал, что Фейербах не принял участия в революции 1848 г. и долгое время недооценивал значения политической борьбы.

В «Основных вопросах марксизма» (1908) Плеханов вслед за Марксом и Энгельсом критикует созерцательность материализма Фейербаха, который рассматривал действительный мир лишь в форме объекта, или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме *практики*, не *субъективно*, и считал истинно человеческой деятельностью только деятельность теоретическую. Плеханов выясняет, что в отличие от созерцательно-материалистической теории познания Фейербаха теория познания у Маркса тесно связывается с его материалистическим взглядом на культурную историю человечества.

Хотя не все формулировки Плеханова в отношении философии Фейербаха безупречны, он все же дает глубоко и в общем верную оценку материализма Фейербаха и его роли в идейном подготовке марксизма, показывает принципиальное отличие диалектического материализма от созерцательного и метафизического материализма Фейербаха. «Материализм Маркса и Энгельса представляет собою гораздо более развитое учение, нежели материализм Фейербаха»², — пишет он.

Следуя примеру Маркса и Энгельса, которые в своих произведениях — «Святое семейство», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», предисловие к «Развитию социализма от утопии к науке» и др. — заложили основы научной истории материализма, Плеханов дает марксистское изложение истории материализма XVIII и XIX столетий. Он исходит из научных, марксистских позиций, последовательно, со знанием дела, ярко раскрывая борьбу материализма против многочисленных разновидностей идеалистической философии. Плеханов не приукрашивает, не скры-

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 680.

² Там же, стр. 144.

вает слабостей и ошибок в материалистических учениях, но его взгляды пронизаны вполне обоснованным уважением и любовью к лучшим традициям материализма. Труды Плеханова по истории материализма объективно противостоят antimатериалистическому духу «Истории философии» Гегеля, который к материализму относился «как мачеха», третируя и принижая его роль в истории человеческой мысли.

Работы Плеханова о материалистической философии XVIII—XIX вв. и анализ той связи и преемственности, которая была между предшествующим материализмом и марксизмом, наносят удар по буржуазной клевете на марксизм, изображающей его случайным сектантским учением, якобы не связанным с историей цивилизации, с предыдущим развитием философской мысли. Плеханов рассматривает появление диалектического и исторического материализма как закономерный продукт предыдущего развития прогрессивной философской мысли, как революцию в философии. В своих сочинениях по истории материализма он вместе с тем выдвигает вопрос о необходимости дальнейшего творческого развития материализма, особенно в сфере исторической, в области общественных явлений.

Плеханов о диалектике в истории философии и месте диалектики Гегеля. Если в центре внимания Плеханова, как историка философии, была история материализма, то вместе с тем он придавал большое значение диалектической традиции в истории философии, которая проложила путь марксистской диалектике и помогла освобождению науки и общественной мысли от пут метафизики. В своих произведениях — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», в предисловии и примечаниях к книге Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», в статьях «Гром не из тучи», «От идеализма к материализму» и др. — Плеханов обращается к истории классической немецкой философии, в которой он видит учение, оказавшее могучее влияние на мировую философскую и общественную мысль, представляющее крупный шаг вперед в теоретическом развитии человечества сравнительно с метафизическим материализмом и являющееся одним из важнейших источников марксизма.

Нельзя не согласиться с выводом Плеханова о том, что «метафизический метод французских материалистов относится к диалектическому методу немецкого идеализма, как низшая математика к высшей»¹.

В своей статье «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» он вслед за Энгельсом указывал, что между социальными науками «нет ни одной, которая не испытала на себе могучего и в высшей степени плодотворного влияния гегелевского гения. Диалектика, логика, история, право, эстетика, история философии и история религии приняли новый вид благодаря толчку, полученному ими от Гегеля»².

Истинное значение гегелевской философии Плеханов видит в том, что она утвердила огромной важности теоретические положения, которые должен усвоить не только мыслитель, стремящийся выработать правильный теоретический взгляд на мир, но и всякий практический деятель, сознательно стремящийся к переустройству общественного порядка; эти положения заключаются в теории развития Гегеля, в его диалектическом методе.

История диалектики, особенно диалектики в немецкой классической философии, занимает большое место в трудах Плеханова.

Однако история зарождения и развития диалектики домарксистского периода не получила такого детального освещения в произведениях Плеханова, как история домарксистского материализма. Плеханов несколько недооценивал элементы диалектики в учениях, предшествовавших немецкой философии конца XVIII — начала XIX в. Решающую роль в истории диалектики он отводит подробно излагаемым им системам немецкой классической философии, особенно Гегелю. Правда, Плеханов признает, что диалектика была известна и до немецких идеалистов. Но, по утверждению Плеханова, только Гегель сумел воспользоваться диалектикой так, как никто из его предшественников. В его руках диалектика становится могучим орудием познания всего существующего; она, говоря словами Гегеля,

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 129—130.

² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 422.

«составляет... душу научного исследования и является единственным принципом, с помощью которого содержание науки получает имманентную связь и необходимость...»¹

Вместе с тем Плеханов был свободен от какой бы то ни было идеализации немецкой классической философии, в том числе и гегелевской. Он видел гносеологические корни немецкого идеализма и указывал на тот отрыв общих понятий от действительной жизни, от реального мира, который был присущ философии немецких идеалистов, в том числе и Гегеля. Он отмечал абсолютизирование немецкими идеалистами общих понятий, что вело к превращению их в абсолютную идею, в демиурга, творца мира.

Что касается классовой природы немецкой классической философии, то Плеханов, вслед за Марксом и Энгельсом, рассматривает ее как «немецкую теорию французской революции». Он показывает, что идеологи немецкой буржуазии конца XVIII — начала XIX в., стремясь к установлению в своей стране таких же общественных порядков, которые установились по ту сторону Рейна, осмысливают происходившие в мире революционные процессы, но не способны в силу экономической и политической слабости немецкой буржуазии, ее склонности к компромиссу с феодально-монархическими силами бороться за практическое осуществление новых порядков у себя в стране.

Плеханов неоднократно в своих произведениях подвергает анализу процесс развития диалектики в немецкой классической философии. Философию Гегеля, роль Гегеля в истории философии Плеханов ставит выше, чем кантовскую философию, что вполне закономерно. Решительный противник «партии середины» в философии, Плеханов осуждает философию Канта за ее дуализм и агностицизм. Замечая, что у Канта и его последователей мышление оторвано от бытия, их стремления и идеалы оторваны от исторической необходимости и деятельности людей, Плеханов дает в общем отрицательную оценку кантовской системе, он считает, что «кантианство — не философия борьбы, не

¹ Цит. по книге: Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 443.

философия людей действия. Это философия половинчатых людей, философия компромисса»¹.

Но если Плеханов, изучая историю классической немецкой философии и формирование философии марксизма, постоянно обращается к диалектике Гегеля, то такого внимания он не оказывал трудам родоначальника немецкой классической философии — Канта, в которых, однако, содержались значительные элементы диалектики. В значительной мере это объясняется его борьбой с неокантианцами. В процессе полемики против неокантианцев, в частности против Струве и Бернштейна, которым гегелевская диалектика и в особенности революционные выводы из нее, из ее «рационального зерна», делаемые марксистами, внушали ужас, Плеханов резонно подчеркивает различие между рациональной диалектикой Гегеля и отступлениями Канта от диалектики к метафизике. В результате некоторого увлечения этой полемикой Плеханов приходит к выводу, что в отношении метода учение Канта полно отступлений от диалектики к метафизике и рационального в его диалектике почти ничего нет; в своих сочинениях он почти не дает анализа диалектических идей, присущих философии Канта. В этом — недостаток работ Плеханова по истории диалектики.

Плеханов, однако, глубоко и правильно объяснял причины, в силу которых с середины XIX в. началось большое увлечение философией Канта. Сравнивая идейную жизнь второй половины XIX в. с идейной жизнью конца XVIII в., Плеханов пишет, что если тогда Кант казался «разрушителем», то теперь его представляют «охранителем», хотя он, справедливо замечает Плеханов, им и не был.

Ученые представители буржуазии предпочитают Канта Гегелю, говорит Плеханов, потому, во-первых, что они чувствуют новаторский дух философии Гегеля, ибо философия Гегеля, будучи правильно истолкованной, является алгеброй революции. И, во-вторых, склонность идеологов буржуазии к Канту вызвана не сильными, а слабыми сторонами его философии (дуализм и агностицизм). Их симпатии к дуализму системы

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 194.

Канта объясняются тем, что дуализм позволяет строить заманчивые «идеалы» свободы, мира, прогресса и т. п., не помышляя о превращении этих «идеалов» в действительность; он дает возможность на деле защищать стабильную действительность, оправдывать ее, ибо «идеалы» дуализм считает практически недостижимыми.

Особенный вред для науки и общественного прогресса в современную эпоху, по мнению Плеханова, представляет агностицизм Канта. Дело в том, что современные эпигоны кантианства, опираясь на теорию познания Канта, в ответ всем усилиям научной мысли твердят: «Не знаем и не узнаем». Но кантианство, замечает Плеханов, — это не только теория, которая гарантирует им право на философскую лень. «Согласно предсказанию оракула, Афины спаслись за *деревянными стенами*. Нынешние философы думают, что могут спастись на территории вещи в себе... от всех проклятых вопросов нашего времени»¹. Плеханов показывает, что не случайно идеологи реакционной буржуазии ныне находят убежище в агностицизме и субъективном идеализме кантовской философии: агностицизм и субъективизм позволяют им отрицать объективную закономерность развития общественной жизни, отвергать возможность научного познания общественной жизни, а следовательно, и возможность научного обоснования социальных преобразований. Поскольку это так, агностицизм Канта и особенно неокантианцев импонирует идеологам консервативных и реакционных сил общества и прежде всего господствующей буржуазии, пытающейся вселить в сознание людей убеждение о невозможности и «противоестественности» революционных преобразований общества.

Диалектический метод Гегеля справедливо представляется Плеханову высшим достижением в развитии диалектической мысли немецкой классической философии.

Плеханов был совершенно прав, когда утверждал: «До тех пор, пока Гегель остается верен диалектическому методу, он является в высшей степени прогрессивным мыслителем... Диалектический метод — это самое главное научное орудие, которое досталось в наследство

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. V, стр. 14.

от немецкого идеализма его преемнику, современному материализму»¹.

Плеханов особенно выделяет и анализирует следующие черты гегелевского диалектического метода:

1) Переход понятий и явлений в свою противоположность в силу внутренней их противоречивости.

2) Скачкообразность переходов от одного понятия, явления к другому; при этом непрерывность процесса развития, о которой говорит Гегель, предполагает, что постепенные изменения переходят в скачки, а скачки открывают путь к новым постепенным изменениям, которые в свою очередь порождают новые скачки.

Излагая существо диалектики Гегеля, Плеханов приходит к выводу, что «в применении к социальным явлениям (мы говорим только о них) диалектический метод произвел целую революцию. Можно без преувеличения сказать, что мы обязаны ему пониманием истории человечества как *закономерного процесса*»².

Гегелевская диалектика дала возможность философского обоснования социальной революции, и Герцен сделал законный вывод, что диалектика Гегеля есть «алгебра революции». Плеханов показывает в ряде своих работ, что гегелевская формула «все действительное разумно, все разумное действительно», которая многих смущала, на самом деле является не только оправданием окружающей действительности (это с некоторым основанием можно сказать лишь о первой части этой формулы), но и обоснованием борьбы против старой действительности во имя победы новой, «разумной», внутренней необходимой действительности.

3) Отличительной чертой гегелевской диалектики Плеханов считает требование *всестороннего рассмотрения действительности*. Оставаясь в рамках идеалистического понимания действительности, Гегель, однако, требует, чтобы явление изучалось среди живой обстановки, при всех тех обстоятельствах места и времени, которые обуславливают или сопровождают его существование.

Принцип всестороннего рассмотрения любого явления в живой обстановке, с учетом обстоятельств места и времени, — одно из важнейших требований диалектического метода — Плеханов многократно выражал в формуле: «истина всегда конкретна».

Но если Плеханов выделяет и высоко ценит эти важные черты гегелевской диалектики, составляющие рациональное зерно его метода, материалистически переработанного Марксом и Энгельсом, то вместе с тем он ведет идейную борьбу с консервативной, идеалистической системой гегелевской философии и критикует непоследовательность и ограниченность гегелевской диалектики.

Плеханов вслед за Марксом и Энгельсом раскрывает противоречие между системой и методом в гегелевской философии и показывает, что она в силу этого противоречия давала основание для противоположных тенденций в философии. Прогрессивная сторона гегелевской философии, ее диалектический метод, была воспринята наиболее передовыми последователями Гегеля, в том числе такими, как Герцен, Белинский в России и др., которые понимали диалектический метод гегелевской философии как «алгебру революции». Разросшаяся с годами консервативная сторона гегелевской философии (т. е. идеалистическая система и реакционные выводы из нее, более полно выраженные в позднейших произведениях Гегеля, главным образом в «Философии права») свидетельствовала о стремлении Гегеля остаться в мире с существующими прусскими порядками. Плеханов рассматривал эту сторону гегелевской философии как «арифметику застоя», ибо в прогнившей прусской действительности Гегель видел воплотившуюся в полной мере «абсолютную идею», ее высшее развитие, «венец творения». Эта консервативная тенденция была воспринята реакционными мыслителями и общественными деятелями, правогегельянцами в Германии.

Плеханов видел и другую исторически обусловленную ограниченность диалектики Гегеля: с точки зрения этого немецкого мыслителя, философия обращена преимущественно к прошлому и берет на себя лишь философское осмысливание того, что уже свершилось и приняло законченный вид. Плеханов для характери-

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 444.

² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 132.

стики гегелевской философии в этом отношении употребляет выражение Гегеля: «Сова Минервы вылетает лишь в сумерки».

Если, по мысли Гегеля, философия не может заниматься «поучениями» о том, каким должен быть мир, то Плеханов, выражая точку зрения марксизма, развивает прямо противоположную гегелевскому взгляду мысль о великой роли диалектического метода в научном познании настоящего, в философском обосновании дальнейшего развития, движения к будущему. «Совершенно соглашась с тем, что «философия» не может оживить одряхлевший, отживший общественный порядок, — писал Плеханов, — можно спросить Гегеля, что же, однако, мешает ей указать нам — разумеется, лишь в общих чертах — характер *нового* общественного порядка, идущего на смену старому? «Философия» рассматривает явления в процессе их становления. А в процессе становления есть две стороны: возникновение и уничтожение. Эти две стороны можно рассматривать как разделенные во времени. Но как в природе, так и в особенности в истории процесс становления есть, в каждое данное время, *двойной процесс*: уничтожается старое и в то же время возникает из его развалин новое. Неужели для «философии» навсегда должен остаться закрытым этот процесс возникновения нового? «Философия» познает то, что *есть*... Но что же есть в каждое данное время? Есть именно *отживание старого* и зарождение нового. Если философия познает только отживающее старое, то познание *односторонне*, она не способна выполнить свою задачу познания сущего... Новейший материализм чужд подобной крайности. На основании того, что *есть* и *что отживает свой век*, он умеет судить о том, что *становится*»¹.

Плеханов доказывает, что диалектика Гегеля, уложенная в «прокрустово ложе» его идеалистической системы, вынуждена изменять себе. В статье «Гром не из тучи» он пишет, что если Гегелю и случалось насиловать факты в интересах своей теории, то его диалектика тут непричем. «Насилие над фактами становилось иногда неизбежно для Гегеля *благодаря идеализму, насквозь*

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 441.

пропитывавшему его философскую систему»¹, — пишет он. Плеханов имеет в виду прежде всего «Философию природы», где Гегель вопреки своему диалектическому методу, требующему всестороннего анализа фактов, часто уродует факты в угоду своей идеалистической схеме.

Идеалистический характер умозрительной системы Гегеля, оторванной от жизненных интересов народных масс, от их борьбы, приводит к тому, что ограничиваются и выхолащиваются диалектические положения о свободе и необходимости, о соотношении теории и практики, что ведет идеалистическую систему Гегеля к созерцательности и фатализму. «... Чем более идеализм, — говорит Плеханов, — стал бы оттенять сторону свободы в *теории*, тем более он вынужден был бы сводить ее на нет в области *практической деятельности*, где он не в силах был бы совладать со *случайностью, вооруженной всей силою свободы*»².

Плеханов вслед за Марксом раскрывал теоретическую несостоятельность идеалистических систем, в том числе и гегелевской. Он показывал, что, олицетворяя наш собственный мыслительный процесс в виде абсолютной идеи и ища в этой идее разгадки всех явлений, идеализм тем самым заводил себя в тупой переулочек, из которого выбраться можно было, только покинув «идею», т. е. распростившись с идеализмом. Оставаясь же в рамках идеализма, даже философы-диалектики оказались не в состоянии выяснить истинную природу общественных отношений, отрицали возможность и закономерность ее преобразования. Таким образом, спекулятивный, идеалистический элемент вносил в философию немецких мыслителей дух консерватизма.

Все это объясняет, почему Плеханов не раз возражал против того, чтобы считать гегелевскую философскую систему настоящим научным знанием, и предостерегал против ее переоценки.

В письме к Л. И. Аксельрод Плеханов писал:

«Для Гегеля наука была теодицеей — это понятно. Наука в последнем счете изучала абсолютную идею,

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 694.

² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 594.

а абсолютная идея была богом. Но именно потому Фейербах делал, и вполне основательно, Гегелю тот упрек, что у него философия превращается в спекулятивную теологию. Мы, материалисты, должны уметь избежать этого упрека, а для этого нам надо избегать всякого, хотя бы чисто словесного отождествления природы с богом»¹.

Вместе с тем Плеханов решительно возражал субъективистам из анархистской и народнической среды, вульгаризаторам и т. п., которые пытались третировать гегелевскую философию и всю немецкую классическую философию, утверждая, что вся она должна быть «зачислена по ведомству реакции», и объявляли философию Гегеля сплошным и предвзятым искажением истины в угоду спекулятивным построениям.

В статье «Гром не из тучи», направленной против анархиста В. Черкезова, объявившего реакционной всю философию Гегеля, Плеханов показал, что надо уметь различать между сочувствием реакционным стремлениям в общественной жизни и «теоретическими посылками», которые заслуживают уважения со стороны прогрессивных людей. Мало того, Гегель не может считаться всегда и во всем реакционером и в общественно-политических взглядах, потому что его взгляды прошли длительный путь развития. Правильнее считать, что его точка зрения на общественно-политические вопросы, особенно под конец его жизни, была консервативной.

Плеханов доказывает, что Маркс мог нанести смертельный удар утопистам, в том числе и русским народникам, потому что он обратился к диалектическому методу Гегеля: застой лишился своего обоснования, а вечное движение было признано основным законом существования. «И эту-то алгебру прогресса (в подцензурной статье Плеханов заменил этими словами формулу «алгебра революции». — М. И.) осмеливаются называть философией реакции жалкие люди, лишенные всякого философского образования, не прочитавшие ни одной страницы из сочинений Гегеля и вряд ли даже издали издавшие эти сочинения! Невежество всегда было самоуверенно, заносчиво и хвастливо, но в данном случае оно перешло всякую меру в своей самоуверенно-

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. V, стр. 305.

сти и заносчивости и в своем хвастливом стремлении «критиковать» совершенно незнакомые предметы»¹.

Нельзя сказать, что Плеханов безошибочно решал вопросы, связанные с историей немецкой классической философии; в некоторых своих статьях он допускает ошибочные формулировки в оценке Гегеля. Так, например, в той же статье «Гром не из тучи», желая оградить диалектику Гегеля от несправедливых нападок народников и анархистов, Плеханов делает необоснованный упрек Марксу и Энгельсу за то, что они якобы отступили от своей правильной установки в книге «Святое семейство, или критика критической критики», где утверждали, что у «реального гуманизма» (развивавшегося в Германии материализма) «нет более опасного врага, чем спиритуализм или спекулятивный идеализм». Плеханов утверждает, что Маркс и Энгельс впоследствии изменили этот свой взгляд, отказались от характеристики гегелевского идеализма, как метафизической в конечном счете философской системы. Он пишет: «В момент борьбы трудно предохранить себя от крайностей и почти невозможно уберечься от несправедливости по отношению к врагу. Не был справедлив и Маркс к немецкому идеализму. Он третировал его как метафизику, противопоставляя ему материализм. Но впоследствии он увидел, что зашел слишком далеко. Он вспомнил методологические заслуги немецкого идеализма и понял, что старый материализм, нашедший свое выражение во французском материализме восемнадцатого века, далеко не свободен был от недостатков, свойственных старой метафизике. Тогда он перестал употреблять слово метафизика в том смысле, какой он придавал ему в книге «Die heilige Familie»»².

Плеханов здесь ошибается. Материализм Маркса и Энгельса на всем протяжении своего развития противостоял спекулятивному идеализму Гегеля, который был и продолжает оставаться вопреки своему диалектическому методу в определенном смысле слова метафизикой, так как он считал основой всего сущего не реальный мир, а фантастическую, сверхъестественную «абсолютную

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 693.

² Там же, стр. 699—700.

идею». Но этот упрек Марксу не соответствует общему духу марксистских работ Плеханова, в которых он раскрывает противоречие между консервативной, идеалистической системой и прогрессивным диалектическим методом, показывает, как идеалистическая система подавляет, ограничивает и уродует диалектический метод Гегеля.

Сам Плеханов, особенно в тот период, когда он был революционным марксистом, неоднократно утверждал, что абсолютно-идеалистическая система Гегеля ведет к метафизике и догматизму. Он писал, например:

«Идеалист, признающий существование сверхиндивидуального сознания, останется догматиком, сколько бы ни твердил он о необходимости критики... Догматическое учение о сверхиндивидуальном сознании имело наиболее стройный вид у Шеллинга и у Гегеля»¹.

В своем предисловии к 2-му изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах...», говоря об отличии марксизма от гегелевской философии, Плеханов отмечал, что «у Гегеля *диалектика* совпадает с *метафизикой*», тогда как «у нас *диалектика* опирается на *учение о природе*»².

Все это говорит о том, что Плеханов в общем правильно, с позиций марксизма оценил роль классической немецкой философии и ее диалектики в истории философии, хотя не все оценки и формулировки Плеханова в отношении учения Гегеля и всей классической немецкой философии безупречны и не все ценное, что заключалось в «рациональном зерне» гегелевской философии, выделялось Плехановым как важный источник для материалистической переработки и дальнейшего развития в марксистской философии. Плеханов не ставил в центре гегелевской диалектики учения о противоречиях.

Материалистически переработанную Марксом и Энгельсом диалектику, ставшую целью развитой системой законов и категорий, Плеханов нередко рассматривал, как уже говорилось, лишь как сумму примеров, подтверждающих диалектический характер объективного мира, не раскрывая, что ядром, сутью диалектики является закон единства и борьбы противоположностей.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 631.

² Там же, стр. 83.

Не до конца была понята Плехановым и историческая точка зрения Гегеля на диалектику как на результат поступательного шествия человеческой мысли, воспроизводившей в своем собственном развитии и его законах ход, законы и движения «универсума». Эти законы Гегель неправильно рассматривал как самодвижение абсолютного духа, а диалектический материализм рассматривает как самодвижение материи, природы, объективной действительности. Плеханов не смог дать в своих сочинениях историческую картину развития категорий логики и прийти к единственно правильному выводу о том, что диалектика есть итог, сумма, вывод истории познания мира.

В понимании и оценке диалектики в истории философии Плехановым существовали серьезные противоречия. Поскольку марксистскую диалектику он рассматривал как научный метод познания и революционного изменения социальной действительности (и в этом заключалось большое достоинство работ Плеханова, особенно в борьбе с вульгарным эволюционизмом ревизионистов), то и в освещении вопросов истории диалектики, когда он к ним обращался, Плеханова больше всего интересовало, как диалектика объясняла социальную действительность, способствовала ее изменению, решала проблемы свободы и необходимости, как она раскрывала закономерности хода общественного развития, побудительные мотивы деятельности людей в социальной и политической жизни и т. д. Но Плеханов недооценивал роль диалектики как науки, не обращал должного внимания на исследование и систематическое изложение категорий диалектической логики, не подчеркивал роль материалистической диалектики как марксистской теории познания и иногда сближал последнюю с теорией познания старого материализма, и это находило отражение в его подходе к диалектике в истории философии. Хотя Плеханов и понимал необходимость проследить «диалектическое» в истории философии, он далеко не всегда это делал. Мы не находим в многочисленных философских сочинениях Плеханова анализа возникновения и развития категорий диалектической логики в античном мире и в новое время до конца XVIII в., он не проследивает и развития зачатков диалектического подхода к истории человеческой мысли у Декарта, Спи-

нозы, Дидро, русских просветителей XVIII в., т. е. у философов-материалистов, которым он посвятил немало страниц в своих сочинениях.

Таковы серьезные недостатки и слабости в трактовке Плехановым диалектики и ее истории. Из них, однако, нельзя сделать вывод о том, что диалектика не имела для Плеханова серьезного значения, что в отношении диалектики он стоял на позициях, близких к фейербахианским; нельзя возлагать на Плеханова вину за то, что впоследствии механисты, например Л. И. Аксельрод-Ортодокс, игнорировали марксистскую диалектику, пытаясь при этом опереться на Плеханова.

Достаточно обратиться к выдающимся произведениям Плеханова — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова», к статьям Плеханова, входящим в сборник «Критика наших критиков», к работам о русских философах XIX в., особенно о Чернышевском и Белинском, чтобы стало ясным, что Плеханов, когда он стоял на точке зрения революционного марксизма, следуя материалистической диалектике, придавал огромное значение развитию диалектики в истории человеческой мысли. В его трудах содержится немало прекрасных страниц о том, как идеи диалектики помогали правильному пониманию действительности, способствовали борьбе против всего старого и отжившего, служили целям освободительных движений и тем самым сыграли плодотворную роль в истории общества¹.

Проблемы истории социологической мысли в трудах Плеханова. Вслед за Энгельсом, давшим в своих произведениях, в частности в «Развитии социализма от утопии к науке», марксистский анализ истории социологи-

¹ В связи с этим следует заметить, что В. А. Фомина в своей полезной и ценной книге «Философские взгляды Г. В. Плеханова» иногда допускает преувеличения в критике плехановских взглядов на философию Гегеля, утверждая, что Плеханов «недостаточно критически относился к философии Гегеля», «не сумел увидеть подлинного соотношения между реакционной идеалистической системой Гегеля и его диалектикой» (стр. 148). Сама В. А. Фомина приводит в своей книге около десятка выдержек из сочинений Плеханова, которые говорят о марксистском понимании философии Гегеля Плехановым, о верном толковании им противоречия между системой и методом немецкого мыслителя.

ческих учений, особенно теорий утопического социализма, Плеханов в своих трудах не раз специально обращался к истории социологических учений и главным образом к истории социалистических идей. С одной стороны, он в своих произведениях прослеживает развитие социологических воззрений философских предшественников марксизма (французский материализм XVIII в., классическая немецкая философия), русских материалистов XIX в. и других философов. С другой стороны, он специально анализирует социологические учения, особенно те из них, которые предшествовали научному социализму и в той или иной мере послужили для него идейным материалом (главы о социологических воззрениях французских историков времен реставрации в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», статьи «Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории», «Французский утопический социализм XIX века», «Утопический социализм XIX века» и др.).

Плеханов в своих исследованиях истории социологической мысли стремился раскрыть закономерное развитие процесса исканий правильной и научной общественной теории, показать, что такой теорией явился исторический материализм Маркса и Энгельса, выявить истинную роль предшествовавших марксизму учений в историческом подготовке научной теории общественного развития.

Плеханов показывает, что прогрессивные социологические учения, предшествовавшие марксизму, ставили и разрабатывали важные проблемы общественной науки: о закономерностях общественной жизни, о роли народных масс и личности в истории, о классовой борьбе и ее роли в истории, о противоречиях общественного развития и путях их разрешения и др. Хотя научного решения этих проблем никто из предшественников марксизма не дал и дать не мог, поскольку прогрессивные буржуазные и мелкобуржуазные социологи, классово ограниченные, не обращались к революционному движению пролетариата, но каждое из учений этих мыслителей, особенно утопический социализм XIX в., философия Гегеля и труды французских историков эпохи реставрации, внесло много нового и ценного в теоретическое познание общественного развития и его закономерностей. Так,

Тьерри, Гизо, Минье — французские историки эпохи реставрации — ставили вопрос о делении общества на классы, о классовой борьбе, как главной пружине исторического развития общества; Сен-Симон, Фурье, Оуэн и другие утописты-социалисты XIX в. утверждали, что замена капитализма социализмом закономерна, что социализм призван разрешить многие неразрешимые при капитализме общественные противоречия, например противоречия между умственным и физическим трудом, городом и деревней и др.

Плеханов прослеживает в своих произведениях зачатки материалистического понимания истории в социологических учениях конца XVIII — первой половины XIX в. Вместе с тем Плеханов показывает, что научное решение важнейших проблем общественного развития, поставленных общественной мыслью до марксизма, могло быть дано только идеологами подлинно революционного класса, каким явился пролетариат, и дали такое решение только Маркс и Энгельс, совершившие революцию в философии и социологии.

Плеханов доказывает, что «марксово понимание истории, которое невежды считают узким и односторонним, в действительности есть законный продукт векового развития исторических идей. Оно содержит их все, поскольку они имеют действительную ценность, и придает им гораздо более прочное основание, чем то, какое они имели в какой-либо период своего расцвета. Поэтому оно, употребляя... выражение Гегеля, самое развитое, богатое и конкретное»¹.

Плеханов выясняет принципиальное отличие марксова понимания истории от всех предшествовавших социологических учений. Если философы-просветители XVIII в. и утописты XIX в. говорили о человеческой природе, которую они считали неизменной, и из свойств ее выводили «совершенное законодательство», а французские историки эпохи реставрации также пытались понять постоянные «потребности человеческой природы» (Гизо), то немецкие идеалисты признавали «человеческую природу» неудачной фикцией. Немецкие идеалисты скрытой пружиной исторического движения считали

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 149.

мировой дух, т. е. прошедшую через фильтр абстракции одну из сторон человеческой природы. «Теория Маркса, — пишет Плеханов, — кладет конец всем этим фикциям, заблуждениям и противоречиям. Воздействуя посредством своего труда на существующую вне его природу, человек изменяет свою собственную природу. Следовательно, человеческая природа в свою очередь имеет историю, и, для того чтобы понять эту историю, надо понять, как происходит воздействие человека на существующую вне его природу»¹.

Марксово материалистическое понимание истории, основанное на диалектическом методе, не рассматривает свою социальную теорию как законченную систему, не оставляющую никакого места для новых открытий и положений, но теория исторического материализма Маркса, по Плеханову, является высшей социальной истиной нашего времени.

Обращаясь к истории социологических учений, предшествовавших возникновению этой высшей социальной истины нашего времени, Плеханов выделяет прежде всего такие социологические идеи, которые освобождали социологию из-под власти теологии, например идеи французских просветителей XVIII в. Французские просветители-материалисты, особенно Гельвеций, не раз высказывали догадки о том, что в истории, как и в природе, все подготавливается из нее самой, что прогресс общественной жизни является меньше всего делом духа, он является делом времени и необходимости. По Гельвецию, человеческие интересы и потребности — самые важные учителя человеческого рода.

Плеханов раскрывает противоречия в социологическом учении французских материалистов, связанные с тем, что они не понимали, что определяющей причиной общественного прогресса является историческое развитие материального производства, были чужды диалектической, исторической точке зрения на общественную жизнь. Эти противоречия могли быть преодолены в теоретическом плане только путем отказа от метафизической точки зрения, исключаяющей всякую идею развития, от взгляда на «природу человека» как

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 150.

неизменную, путем перехода на естественноисторическую точку зрения, согласно которой социальная среда имеет свои собственные законы, не зависящие от сознания и воли человека и определяющие его чувства, мысли, понятия.

Французские историки периода реставрации — Гизо, Тьерри, Милье в своих социологических трудах высказали ряд материалистических догадок о закономерности исторического прогресса, о его зависимости от борьбы противоположных классовых интересов, хотя, как справедливо замечает Плеханов, и они не могли освободить историческую науку от идеализма.

Глубокий диалектический подход к социологическим проблемам, к вопросу о закономерностях общественного развития, как показывает Плеханов, обнаружили представители классической немецкой философии, особенно Гегель. «Если все течет, все изменяется, — говорит Плеханов; — если всякое явление само себя отрицает; если нет такого полезного учреждения, которое не стало бы, наконец, вредным, превратившись таким образом в свою собственную противоположность, то выходит, что нелепо искать «совершенного законодательства», что нельзя придумать такое общественное устройство, которое было бы *лучшим* для всех веков и народов: все хорошо на своем месте и в свое время. Диалектическое мышление исключало *всякие утопии*»¹. Но идеалистическая система немецкой философии исключала последовательное применение диалектического метода, лишала его реальной, научной основы. Народ, как и отдельные личности, с точки зрения немецкого идеализма, оказывался лишь орудием, которым пользуется для своих целей «абсолютный дух».

Если идеалисты-диалектики, покинув точку зрения «человеческой природы», казалось бы, отделались от утопического взгляда на общественную жизнь и стали рассматривать ее как необходимый процесс, имеющий свои собственные законы, то, как правильно подчеркивает Плеханов, «окольным путем олицетворения процесса нашего логического мышления (т. е. одной из сторон *человеческой природы*) они вернулись к той же неудо-

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 589.

влетворительной точке зрения, и потому им *осталась непонятной истинная природа общественных отношений*»¹.

Большое место в идейном подготовке научного социализма Плеханов отводит утопическому социализму, особенно учениям Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Анализируя социальные воззрения утопистов-социалистов, он показывает, что многое в них, особенно критика капитализма и мысли о грядущем социалистическом устройстве, не потеряло ценности и для последующего времени. Вместе с тем эти теории, будучи отражением незрелости общественной жизни ранней стадии капиталистической эпохи, по мере развития этой жизни становились все более утопическими и несостоятельными. В результате утописты-социалисты, выступавшие за «законсообразность» в общественной жизни, отступали от этого важнейшего требования социальной науки во имя «желательного», подчас становясь на позиции субъективной социологии.

Выясняя вслед за Марксом и Энгельсом теоретические истоки утопического социализма, восходящие к сенсуалистическим и гуманистическим учениям французских материалистов XVIII в., Плеханов критикует вместе с тем Фурье и других социалистов-утопистов за отступление от материалистических основ их учителей — французских энциклопедистов, за отступление от революционных политических устремлений французской философии XVIII в.; Фурье считал философию XVIII в. виновницей «катастрофы 1793 года», приход к власти революционной диктатуры якобинцев он рассматривал как поражение революции. «Социалисты-утописты, — писал Плеханов, — признают наличность классово-борьбы в современном обществе. Но они не приурочивают к ней своих реформаторских планов; они решительно не желают опереться на нее для их осуществления. Они надеются, что планы эти будут осуществлены путем примирения классов. Сообразно с этим они отвергают революционный способ действия и поворачиваются спиной к политике»².

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 599.

² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 536.

Анализируя теоретические воззрения утопистов-социалистов в области социологии, Плеханов показывает, что они пытались вывести совершенную социальную систему — социализм, исходя из отвлеченного принципа: соответствия его «требованиям человеческой природы», при этом каждый из реформаторов руководствовался, конечно, собственным «представлением человеческой природы». Тем самым Сен-Симон, Фурье, Оуэн и другие утописты-социалисты оставались в понимании истории на позициях идеализма, поскольку не видели, что всякие представления об общественном устройстве и «человеческой природе» обусловлены общественным бытием, изменяющимся материальными условиями жизни.

Плеханов стремится дать всестороннюю оценку учений и деятельности утопистов-социалистов, не ограничиваясь критикой их несостоятельных теоретических воззрений, выделяя и отмечая каждый шаг практической деятельности видных утопистов-социалистов. Он высоко оценивает революционный дух того течения, которое возглавил идеолог незрелого еще пролетариата времен буржуазной французской революции XVIII в. — Ф. Бабеф, утопический коммунист, поборник политической борьбы, чуждый религиозных исканий, присущих многим утопическим социалистам.

В статье «Утопический социализм XIX века» Плеханов показывает, что Р. Оуэн вопреки своим утопическим воззрениям пытался воспользоваться растущей силой пролетарского движения для осуществления своих социалистических целей и, ставя перед рабочими основные вопросы общественного устройства, содействовал развитию сознания рабочего класса.

Плеханов справедливо считает чрезвычайно важными взгляды утопистов-социалистов на воспитание. Человек, с точки зрения социалистов-утопистов, не рождается испорченным, его портят обстоятельства. Ребенок имеет в зародыше все страсти, свойственные взрослому человеку. Их не следует подавлять, но надо научиться давать им надлежащее направление. При этом страсти, по Фурье, станут источником всего доброго, полезного, великодушного. Но их нельзя как следует направить при нынешнем общественном порядке с его противоречиями. Воспитание станет разумным только при разумном общественном порядке, при социализме. Работа, состав-

ляющая тяжелое бремя, проклятие для трудящихся, станет в социалистической общине привлекательным занятием; зрелище труда, с увлечением исполняемого взрослыми, в высшей степени благотворно подействует на подрастающее поколение. Труд должен быть осмыслен знанием, а знание должно приобретаться молодым поколением в процессе полезного для общества труда.

Однако утописты-социалисты были совершенно неправы, когда коренной причиной исторического движения считали развитие знаний и вообще умственное развитие человечества, когда полагали, что царствующее в обществе зло порождается, как утверждал, например, Р. Оуэн, ошибочным взглядом людей на образование человеческого характера, а этот ошибочный взгляд обуславливается тем, что люди не знают своей собственной природы.

В своих сочинениях Плеханов выясняет принципиальное отличие теории научного социализма от теорий утопического социализма. Утопический социализм не смог освободиться от идеалистического понимания истории, не понял исторической необходимости и закономерности революционной борьбы пролетариата. В отличие от утопического социализма научный социализм Маркса и Энгельса, основывающийся на диалектическом и историческом материализме, исходит не из желаний и побуждений людей, а из объективной исторической необходимости. Диалектический и исторический материализм вместе с тем рассматривает общественную жизнь как результат деятельности людей: для него человек не только объект, а и субъект истории, только в истории, в результате развития материального производства и на его основе, развивается самосознание человека.

В своем предисловии к 3 изданию брошюры Энгельса «Развитие научного социализма» (1902) Плеханов, разоблачая попытки Бернштейна (в реферате 1901 г. «Возможен ли научный социализм?») отрицать научный характер социализма Маркса и Энгельса и отыскать в нем «элементы утопии», показывает, что в отличие от утопического социализма научный социализм Маркса и Энгельса основан не на какой-либо предвзятой тенденции, а на научном познании действительности. «... Наука, — пишет он, — может открывать и ежедневно открывает тенденции, свойственные изучаемым ею явле-

ниям. А *научный социализм* именно констатирует известную тенденцию (тенденцию к социальной революции), существующую в нынешнем, капиталистическом обществе; учением о будущем общественном порядке социализм был тогда, когда он еще не вышел из *утопической фазы*¹.

Если в учениях Р. Оуэна, Фурье и других социалистов-утопистов в известной мере содержались элементы науки, то социалистическая теория Маркса — Энгельса, ставшая подлинной наукой, сделала, как правильно утверждает Плеханов, эпоху в истории социализма.

Подводя некоторый итог своим исследованиям истории социологической мысли, Плеханов подчеркивает в том же предисловии к брошюре Энгельса ряд методологических принципов социологии марксизма, научного социализма. Один из них состоит в том, что в отличие от утопического социализма, который, как и многие домарксовские социологические учения, исходил из отвлеченных принципов, научный социализм берет за исходную точку объективный ход экономического развития общества. «Утопический социализм охотно разрабатывал планы будущего общественного устройства. *Научный социализм*... занимается не будущим обществом, а определением той тенденции, которая свойственна уже теперь существующему общественному порядку. Он не *разрисовывает будущего*; он изучает *настоящее*»².

В отличие от домарксовских социологических учений, которые считали, что должны быть *придуманы* средства устранения общественного зла на основании общих соображений о человеческой природе, что по существу предоставляло это дело *воле случая*, научный социализм открывает пути и средства уничтожения общественного зла в экономических условиях настоящего времени, и само это открытие оказывается *закономерным процессом*.

Широкое распространение новых социально-политических идей домарксовская социология объясняла случайными мотивами, научный же социализм объясняет

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 32.

² Там же, стр. 47.

распространение этих идей соответствием их новым экономическим условиям и интересам того класса или слоя населения, который больше всех других страдает от устаревшего общественного порядка. Научный социализм и его теоретическая основа — марксистская философия и социология — не претендуют на безошибочные предсказания относительно каждого отдельного явления, но это вовсе не означает, что научное социологическое предвидение невозможно. Нельзя, говорит Плеханов, возражая противникам научного социализма, смешивать различные понятия: понятие о направлении и общих результатах общественного процесса и понятие об отдельных явлениях (событиях), из которых составится этот процесс. «Социологическое предвидение, — утверждает Плеханов, имея в виду марксистскую теорию исторического материализма, — отличается и всегда будет отличаться очень малой точностью во всем том, что касается предсказания отдельных событий, между тем как оно обладает уже значительной точностью там, где надо определить общий характер и направление общественных процессов»¹.

Исходя из такого правильного понимания социологического предвидения, Плеханов заключает, что, хотя социология и не была до сих пор совершенной наукой, сомневаться в научном характере предвидения социализма нет оснований, наступление социалистического общества неоспоримо. Согласно научному социализму, процесс развития науки в целом, в том числе и общественной, происходит закономерно и открытые наукой истины научный социализм рассматривает в отличие от домарксовской социологии, не как «истину в последней инстанции», истину законченную, а как относительную научную истину, соответствующую определенному фазису общественного развития.

Главное же отличие социологии марксизма, научного социализма от домарксовской социологии состоит в том, что, если последняя, как правило, объясняла мир, не требуя коренного, революционного изменения его, подчас уповая на случайность (вроде надежды на появление просвещенных монархов, «разумных» капитали-

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 50.

стов и т. п.), то марксизм, научный социализм считает революционное изменение мира, в ходе которого произойдет осуществление социализма, т. е. устранение старого и торжество нового общественного порядка, делом исторической необходимости. Таким образом, научный социализм, социологической основой которого является материалистическое понимание истории, тесно связывает с познанием исторической закономерности активную, сознательную деятельность людей. Подчеркивая этот важнейший методологический принцип социологии марксизма, научного социализма Плеханов писал:

«Сторонники научного социализма имеют стройную и последовательную программу, глубочайшую основу которой составляет материалистическое понимание истории. Они не ожидают сочувствия социализму от всех классов общества, так как они знают, что способность данного класса сочувствовать данной революционной идее определяется его экономическим положением, и так как они видят, что изо всех классов современного общества только пролетариат находится в таком экономическом положении, которое роковым образом толкает его на революционную борьбу с существующим общественным порядком. И здесь, как и везде, они не удовлетворяются взглядом на деятельность общественного человека, как на *причину* общественных явлений; их взор проникает глубже и видит, что эта причина сама есть *следствие* экономического развития. Здесь, как и везде, они рассматривают *сознательную* деятельность людей с точки зрения ее *необходимости*»¹.

Вопросы формирования философских взглядов Маркса в трактовке Плеханова. Важное место в историко-философских трудах Плеханова занимали проблемы истории марксизма. Не только в своих известных книгах по истории материализма, но и в ряде специальных статей («Философские и социально-политические воззрения К. Маркса», «Первые фазы учения о классовой борьбе», «От идеализма к материализму» и др.) Плеханов обращается к вопросам формирования диалектического материализма и в связи с этим оценивает роль предшествующего материализма, особенно феербахов-

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 48.

ского, и диалектики Гегеля в идейном подготовке марксизма.

В своих работах Плеханов проводит мысль о том, что возникновение диалектического и исторического материализма принципиально отлично от предшествующих философских учений и представляет собой высший результат развития материалистического понимания природы и истории.

Считая Маркса «гениальным представителем нового направления» в философии, Плеханов видит революционный характер того изменения в развитии теоретической мысли, каким явилось возникновение марксизма. Он пишет, что «научный социализм есть не только величайшая — а лучше сказать единственная, заслуживающая этого имени — философская система *нашего* времени. Его появление знаменует собою в высшей степени важный поворот в истории человеческой мысли вообще»¹.

В своей речи «Философские и социальные воззрения К. Маркса» Плеханов также утверждал, что возникновение философии Маркса было революцией в философии и общественной мысли. «Философия Маркса, — говорил он, — является логическим и неизбежным следствием философии Гегеля — вот что говорят нам часто те, кто трактует вопрос о происхождении современного социализма. Это верно, но это не все. Далеко не все. Маркс наследовал Гегелю, как Юпитер наследовал Сатурну, — низложив его с его трона. Появление материалистической философии Маркса — это подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли»².

Плеханов неоднократно показывал коренное различие материалистической диалектики Маркса и идеалистической диалектики Гегеля, всесторонне анализировал открытое Марксом материалистическое понимание истории — величайшее завоевание общественной науки, отличавшее марксизм от всей предшествовавшей философии, в том числе и материалистической. «От Маркса мы впервые получили, — говорит он, — материалистическую философию истории человечества»³.

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, изд. 2, стр. 93.

² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 450.

³ Там же, стр. 452.

Активно боролся Плеханов с ревизионистами, которые, считая марксизм философски необоснованным, подменяли философскую основу научного социализма — диалектический материализм — эклектической похлебкой из кантианства и позитивизма, отбрасывали диалектику и заменяли ее вульгарным эволюционизмом. Они самым беззастенчивым образом извращали и вульгаризировали материалистическое понимание истории и вместе с тем утверждали, что следуют ему. Критикуя подобный эклектизм, Плеханов доказывал, что теория марксизма — цельное и многостороннее учение, ни от одной части которого нельзя отказаться, не изменяя марксизму.

В условиях, когда в партиях II Интернационала под флагом «разработки» философской стороны марксизма появилась «мода» соединять «кусочки» марксизма с философскими взглядами неокантианцев, махистов и т. п., Плеханов в своем предисловии ко второму изданию брошюры Энгельса «Людвиг Фейербах...» писал, что подобный эклектизм никогда не приводил ни к чему хорошему ни в теории, ни на практике. Отстаивая от эклектиков философский материализм Маркса, Плеханов говорит, что «современное учение о развитии, частью которого является наше объяснение истории, находит себе прочное обоснование *только* в материализме, и неудивительно, поэтому, что основатели научного социализма, как выразился Энгельс, *не шутили с материализмом*, последовательно прилагая его в тех отраслях знания, которые до них были самой надежной твердыней идеализма»¹.

Плеханов доказывает также, что для людей, претендующих на честь быть представителями самого революционного класса, последовательность в проведении точки зрения марксистской философии обязательна, иначе они рискуют изменить своему собственному делу.

Отстаивая диалектику в процессе критики ревизионизма, Плеханов, как было показано выше, подчеркивал коренное различие между марксовой материалистической диалектикой и идеалистической диалектикой Гегеля. Он писал: «Когда Маркс и Энгельс хвалили

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 72.

Фейербаха за то, что он «преодоле» диалектику Гегеля, они имели в виду *идеалистическую* диалектику, к которой они с тех пор не переставали относиться отрицательно. А когда они защищали и рекомендовали диалектический метод, они имели в виду (и всегда ставили на вид читателям) *материалистическую* диалектику, оказавшую им такие огромные услуги в деле научного обоснования социализма. В этом нет решительно никакого противоречия»¹.

Все это говорит о том, что Плеханов в период своего революционного марксизма понимал коренное отличие диалектического материализма от предшествующих философских учений, в том числе от созерцательного, метафизического материализма Фейербаха и идеалистической диалектики Гегеля.

Однако Плеханов не всегда последовательно проводил эту, единственно правильную точку зрения. В меньшевистский период в работах Плеханова содержатся ошибочные формулировки, говорящие о том, что он не всегда разграничивал положения марксистской философии от прогрессивных социально-политических учений и взглядов домарксистских философов, связанных с умонастроениями и стремлениями передовых слоев буржуазии. Это выражается, например, в отношении его к антропологическому материализму Фейербаха; Плеханов подчас проводит между ним и философским материализмом Маркса аналогию, не всегда подчеркивает должным образом существующие между ними коренные различия. Так, в «Основных вопросах марксизма» (1908) Плеханов дает неточную формулировку генезиса теории познания диалектического материализма, утверждая, что «гносеология Маркса по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха или, если хотите, что она, собственно, и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом генеральной поправки»². Речь идет, указывает Плеханов, о том, что, по Марксу, в отличие от Фейербаха, наше я не просто познает объект, *подвергаясь его воздействию*,

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 671.

² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 137.

а познает объект, воздействуя на него со своей стороны. Плеханов правильно замечает, что эта гениальная поправка Маркса об активной роли субъективной деятельности людей, о роли практики в познании была вызвана общественными настроениями накануне революции 1848 г.; но он не показывает, что гносеология Маркса весьма существенно отличается от гносеологии Фейербаха также и тем, что это уже *диалектико-материалистическая* гносеология, материалистическая теория познания, обогащенная идеей *развития*.

Плеханов не был точен, когда писал в «Основных вопросах марксизма», что Маркс мог начать выработку своего материалистического понимания истории с критики философии права Гегеля *«только потому, что критика спекулятивной философии Гегеля была закончена еще Фейербахом»*¹. Плеханов не учитывает здесь, что *законченной* критики идеализма Гегеля Фейербах не мог дать уже потому, что сам Фейербах остался в пределах идеалистического понимания истории, а диалектику Гегеля и ее применение к теории познания отбросил. Поэтому Маркс и Энгельс в первых же своих диалектико-материалистических работах («Критика философии права Гегеля», «Святое семейство» и др.) должны были заняться не только критикой идеализма в социологии и выработкой материалистического понимания истории, но вместе с тем и критикой философского идеализма Гегеля и выработкой основ новой философии — диалектического материализма.

В статье «От идеализма к материализму» (написанной в 1913—1915 гг. и опубликованной в 1917 г.) Плеханов допускает ошибочные формулировки по вопросу об отношении марксизма к философии Фейербаха. Он преувеличивает роль теории познания Фейербаха в подготовке марксистской философии; Плеханов пишет, что «Маркс был неправ, когда упрекнул Фейербаха в том, что тот не понимал «практически-критической деятельности». Она была понятна Фейербаху. Но Маркс был прав, сказав, что понятие Фейербаха о «сущности человека», послужившее ему для объяснения «сущности религии», страдало отвлечен-

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 136.

ностью. Это было неизбежно. Фейербах мог бы устранить *этот* недостаток своего учения, только дойдя до материалистического объяснения истории. Но до него ему не удалось дойти, хотя у него и была неясная, но довольно сильная теоретическая потребность в нем»¹.

В данном случае Плеханов, хотя и отмечает отвлеченность положений Фейербаха и его идеализм в понимании истории, но несправедливо упрекает Маркса за критику созерцательности феербаховской философии; Плеханов не критикует здесь присущей Фейербаху оторванности от практически-революционной деятельности, которая отразилась и в его теории познания.

По мнению Плеханова, высказанному в статье «От идеализма к материализму», марксова «мысль о гибельном влиянии на философскую теорию разрыва ее с практической деятельностью вполне соответствует всему духу феербаховой философии»². Он ссылается при этом на слова Фейербаха о том, что идеализм рассматривал вопрос об объективности или субъективности, о действительности или недействительности мира «исключительно с точки зрения теории, между тем как мир сделался предметом рассуждения только потому, что стал сначала предметом желания»³. В данном случае, как и в некоторых других, Плеханов не обращает внимания на то, что критика идеализма ведется Фейербахом с позиций антропологического материализма, тогда как Маркс критикует идеалистический разрыв теории и практики с позиций исторического материализма, с точки зрения революционно-практической деятельности; Фейербах же и в данном случае практику понимает главным образом как теоретическую деятельность человека.

И в некоторых других работах Плеханов недостаточно разграничивает теорию познания Фейербаха и теорию познания Маркса; подчеркивая то общее, что соединяет материалистическую философию Фейербаха с марксизмом, он не всегда обращал внимание на то,

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 682.

² Там же, стр. 681.

³ См. там же.

что их отличает друг от друга, т. е. на диалектику, как теорию познания марксизма.

В статье «Гром не из тучи» Плеханов, например, утверждает, что если «Фейербах, а за ним Маркс, разоблачили несостоятельность гегелевского идеализма, то они тем самым поставили диалектику на ноги...»¹ Распространяя в данном случае на Фейербаха то, что относится к Марксу, Плеханов ошибается, ибо отношение Фейербаха к диалектике, как известно, было негативным, отрицательным.

Серьезные ошибки Плеханова, допущенные в работах меньшевистского периода, по вопросу об отношении марксизма к его предшественникам, в частности к материализму Фейербаха, близки к ошибкам других марксистских теоретиков II Интернационала (Меринг, Лабриола и др.), которые оставались диалектическими материалистами, но подчас допускали неправомерное сближение диалектического материализма с предшествовавшим ему домарксистским материализмом².

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 695.

² Однако эти ошибки не дают, по нашему мнению, основания утверждать, что Плеханов «не понял, что философская основа, на которую опирается исторический материализм, является качественно новым философским материализмом», что он дал «ложное истолкование марксистского философского материализма и его отношения к предыдущим теориям», как пишет, например, О. М. Бакурадзе в своей книге «К вопросу о формировании философских взглядов К. Маркса» (Тбилиси, 1956, стр. 4, 5 и др.). Приведенные выше мысли Плеханова — революционного марксиста — о революции в философии, произведенной марксизмом, о его коренном отличии от предшествующих философских и социальных учений (которые почему-то выпали из поля зрения О. М. Бакурадзе) противоречат этим утверждениям, которые основываются главным образом на формулировках лекции «Философская эволюция Маркса», неправомерно включенной в Сочинения Г. В. Плеханова, о чем сказано ниже, см. стр. 168—174.

К сожалению, и в ценной книге В. А. Фоминой «Философские взгляды Плеханова», где приводятся глубокие и верные положения Плеханова об отличии диалектического материализма от предшествующей философии, делается не подтвержденный доказательствами вывод о том, что в работах после 1903 г. «возникновение марксизма изображалось Плехановым как результат плавного, эволюционного развития прогрессивных учений к марксизму» (стр. 280), что он якобы проводил точку зрения «филиации идей» и допускал «каутскианское отождествление марксизма с буржуазной наукой».

При всех недостатках и ошибках, допущенных в работах по истории марксистской философии, Плеханов, высоко ценивший роль Фейербаха в истории философской мысли, высказал немало глубоких и верных положений о месте этого мыслителя в идейном подготовлении философии марксизма. Так, он выделяет в философии Фейербаха ее гуманистический элемент, связанный с демократическими устремлениями широких мелкобуржуазных слоев общества, что нередко игнорировалось в литературе; по Фейербаху, люди в силу своей природы стремятся к счастью; когда к нему стремится весь народ, то стремление к счастью перестает быть эгоизмом и становится справедливостью. Чтобы люди стали людьми, необходимо соответствующее справедливости общественное устройство¹. Плеханов справедливо считал, что Фейербах был близок передовым общественным устремлениям своего времени, сочувствовал интересам трудящихся масс, но революционным борцом никогда не был, хотя на склоне своих лет вступил в германскую социал-демократическую партию.

Плеханов далек от того преклонения перед Фейербахом и его философией, которое ему впоследствии нередко приписывалось. В своих сочинениях он показал, что в философии Фейербаха не развита «историческая сторона, составляющая силу и славу современного материализма», т. е. что Фейербах не подошел к пониманию общественной жизни и к пониманию человеческого мышления с позиций историзма: в философии Фейербаха не разработан диалектический элемент. По достоинству и в общем верно, хотя и не без преувеличения, Плеханов оценил роль материализма Фейербаха как одного из источников марксизма. Он правильно писал в «Основных вопросах марксизма»: «Материализм Маркса и Энгельса представляет собою гораздо более развитое учение, нежели материализм Фейербаха. Но материалистические взгляды Маркса и Энгельса развивались в том самом направлении, которое указывалось внутренней логикой философии Фейербаха². Речь идет о том, что Маркс и Энгельс последовательно распространяли на понимание общественной жизни

¹ См. Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 679—680.

² Там же, стр. 144.

материалистический принцип — бытие определяет мышление, — лежащий в основе философии Фейербаха. Но если Фейербах не пошел дальше понимания «общности, единства человека с человеком», то Маркс и Энгельс раскрыли причины, которыми эта общность, единство достигаются, взаимные отношения, в которые люди вступают между собою в обществе, на основе материального производства. Это, по Плеханову, «не только отделяет Маркса от Фейербаха, но и свидетельствует об его близости к нему»¹.

Не раз, обращаясь к вопросу о формировании философии марксизма, Плеханов раскрывал тесную, генетическую связь философии марксизма с философией Гегеля и Фейербаха. Отсюда у нас в философской литературе иногда делали ошибочный вывод, будто бы Плеханов считал марксизм простым синтезом гегелевской диалектики и феербаховского материализма. В сочинениях Плеханова мы не находим оснований для такого утверждения, хотя его представления о философской эволюции Маркса и Энгельса не были безусловно точными.

Если мы обратимся к работам Плеханова, то увидим, что философию марксизма он склонен начинать со «Святого семейства», что нельзя считать точным. Еще до того как было в 1844 г. написано Марксом и Энгельсом «Святое семейство» (опубликовано в 1845 г.), они выступили с позиций диалектического материализма, о чем свидетельствуют их статьи конца 1843 — начала 1844 г. в «Немецко-французском ежегоднике»: «К критике гегелевской философии права» и «К еврейскому вопросу» Маркса, «Очерки критики политической экономии» Энгельса. В «Основных вопросах марксизма» (1908) Плеханов утверждает, что в своих ранних работах (в частности, в диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура») Маркс «является перед нами еще чистокровным идеалистом Гегелевой школы», в статьях же, появившихся в «Немецко-французском ежегоднике» в начале 1844 г., он и Энгельс твердо стоят уже на точке зрения Фейербахова «гуманизма»². И это утверждение Плеха-

нова нельзя считать точным, Маркс и Энгельс никогда не были просто сторонниками феербаховского гуманизма (хотя и испытали, как правильно замечает он, сильное влияние феербаховского материализма); в 1843—1844 гг. они переходили от революционного демократизма не к феербаховскому гуманизму, а к коммунизму, от диалектического идеализма не к метафизическому феербаховскому материализму, а к диалектическому материализму. Правда, Плеханов никогда не считал, что в период 1843—1844 гг. Маркс и Энгельс, следуя материализму Фейербаха, отступили от диалектики, хотя и называл этот период «антигегелевским» (в смысле антиидеализма). Сказать же, что Маркс и Энгельс стояли на позиции феербаховского гуманизма, еще не значит объявить их чистыми феербахианцами в смысле антидиалектики.

Эта последняя формулировка Плеханова говорит, во-первых, о передовых, революционных по своему существу социально-политических воззрениях Маркса и Энгельса, об их стремлении улучшить жизнь широких слоев народа, т. е. речь идет о революционно-демократическом гуманизме в социальных воззрениях Маркса и Энгельса, который предшествовал их пролетарскому научному коммунизму. Во-вторых, Плеханов здесь говорит о том, что Маркс и Энгельс, придя к материализму, стремились сделать из него практически-гуманистические выводы. Мало того, говоря в «Основных вопросах марксизма» о периоде, когда Маркс и Энгельс участвовали в «Немецко-французских ежегодниках» (1843—1844), Плеханов отмечает, что уже в это время Маркс и Энгельс выработывали правильный метод; речь могла идти и шла, конечно, о методе материалистической диалектики. Плеханов отмечает также, что пробел у Фейербаха, мало оценившего диалектический элемент философии Гегеля, был восполнен Марксом — Энгельсом, которые поняли, что ошибочно было бы, борясь со спекулятивной философией Гегеля, игнорировать его диалектику. Возражая критикам марксизма, утверждавшим, что в первое время после своего разрыва с идеализмом Маркс относился к диалектике с большим равнодушием, Плеханов говорит, что это мнение опровергается уже тем, что в «Немецко-французских ежегодниках» Энгельс говорил о методе, «как

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 145.

² См. там же, стр. 127.

о душе новейшей системы взглядов»¹, имея в виду не только себя, но и своего единомышленника Маркса.

В «Основных вопросах марксизма» Плеханов с полным основанием говорит, что 1845 год показал, что Маркс и Энгельс сделали несколько значительных шагов в дальнейшей разработке философии Фейербаха, причем особую роль в этом сыграли произведения Маркса и Энгельса — «Святое семейство» и тезисы Маркса о Фейербахе.

Плеханов показывает также, что в еще большей мере о диалектическом характере философских взглядов Маркса в это время говорит его книга «Нищета философии», показавшая, что идеалистическая диалектика Гегеля была поставлена Марксом на материалистическую основу. Вместе с тем, говоря о философском развитии Маркса и Энгельса, Плеханов допускает неточности; так, он пишет, что нельзя считать мирозерцание Маркса — Энгельса существенно изменившимся в сравнении с философией Фейербаха, а следует выяснить: «...какая именно часть названной философии вошла как составной элемент в мирозерцание основателей научного социализма»². В данном случае допускается ошибочное толкование, именно, отождествление понятий *источника* философии марксизма (чем является материализм Фейербаха) с ее *составной частью* («элемент»), которой философия Фейербаха не является.

В своей более поздней работе «От идеализма к материализму» (1913—1915 гг.) Плеханов допускает аналогичные неточности в формулировках. Утверждая, например, что Маркс и Энгельс до конца своей жизни оставались последователями Фейербаха «в том, что касалось общего философского взгляда на отношение субъекта к объекту»³, Плеханов подходит к вопросу односторонне, подчеркивает лишь продолжение Марксом и Энгельсом основной материалистической линии Фейербаха, забывая о коренной переработке старого материализма в диалектический и исторический материализм.

¹ См. Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 147.

² Там же, стр. 144.

³ Там же, стр. 683.

Но не в этом состоит сущность взглядов Плеханова на философскую эволюцию Маркса и Энгельса. Не смотря на отдельные ошибки в этом вопросе, Плеханов в общем верно раскрывал в своих сочинениях путь великих мыслителей от идеализма к диалектическому материализму и научному коммунизму. Взгляды Плеханова на философию марксизма противостояли утверждениям ревизионистов, например Бернштейна, которые противопоставляли Маркса и Энгельса «раннего» периода (когда они были сторонниками демократического гуманизма, но не были еще диалектическими материалистами) Марксу и Энгельсу «позднейшего периода». Ревизионисты утверждали, будто в первый период после отхода от идеализма Маркс и Энгельс держались точки зрения «экономического материализма», проповеди «автоматического воздействия экономики», и лишь впоследствии — де Маркс и Энгельс заняли более «всестороннюю» позицию «взаимодействия экономики, политики и идеологии». Плеханов выступал против подобных измышлений, рассекающих историю такого цельного мировоззрения, каким является марксизм, на «кусочки». В «Основных вопросах марксизма» Плеханов доказывает, что, «когда Энгельс, уже незадолго до своей смерти, отвергал «автоматическое» понимание исторического действия экономики, он только повторял — почти в тех же самых словах — и пояснял то, что написал Маркс уже в 1845 г. в приведенном нами выше третьем тезисе о Фейербахе. Маркс упрекал там предшествовавший ему материализм в забвении того, что «если, с одной стороны, люди представляют собою продукт обстоятельств, то с другой — обстоятельства изменяются именно людьми». Задача материализма в области истории — как понимал эту задачу Маркс — заключалась, стало быть, именно в том, чтобы объяснить, *каким образом «обстоятельства» могут изменяться теми людьми, которые сами создаются обстоятельствами*»¹.

Разоблачая ревизионистские измышления о том, что Маркс и Энгельс якобы «перевооружились» в ходе истории и отошли от традиционного материализма, Плеханов показал в «Основных вопросах марксизма» и других своих произведениях, что Маркс и Энгельс с 1844 г.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 169.

(точнее было бы: с конца 1843 г. — М. Н.) стали на точку зрения диалектического и исторического материализма, который принципиально отличался и от созерцательного, метафизического материализма Фейербаха, и от натурализма и вульгарного материализма, и от так называемого экономического материализма. Уже тогда они не только выводили идеологические и политические явления в конечном счете из условий материальной жизни общества, но и стремились раскрыть процесс развития политической жизни, идеологий и других надстроек, закономерности их развития, показать их обратное влияние на экономику общества¹.

Нередко о взглядах Плеханова на философскую эволюцию Маркса и Энгельса в нашей литературе судили на основании записи его лекции «Философская эволюция Маркса». Судя по утверждениям Р. М. Плехановой и других, близко стоявших к автору лиц (Л. И. Аксельрод-Ортодокс), Плеханов прочитал лекцию на эту тему в Высшей русской партийной школе в Париже в конце 1905 или в начале 1906 г. Запись эта была опубликована Л. Аксельрод во втором сборнике «Группа «Освобождение труда»», а затем перепечатана Д. Рязановым в приложениях к XVIII тому Сочинений Плеханова, как произведение, принадлежащее Плеханову. Публикаторы не обратили внимания на тот факт, что в тексте этой рукописи, написанной неизвестной рукой², нет поправок Плеханова³. Со времени

¹ Критика Плехановым ревизионистов, стремившихся расщепить единое и цельное мировоззрение марксизма, сложившееся уже в 1844—1845 гг., пытавшихся противопоставить более ранние периоды в становлении их учения более поздним, представляет интерес и ныне, когда буржуазные философы и ревизионисты в философии (А. Лефевр, Э. Блох и др.) прибегают к тем же самым попыткам «рассечения» и извращения философии марксизма.

² Научный сотрудник Дома Плеханова И. Н. Курбатова высказывает предположение, что эта рукопись может принадлежать Шарлю Раппопорту, почерк которого имеет сходство с одним из двух почерков, которыми записана эта лекция. Раппопорт — русский эмигрант, жил в это время в Париже и был близок Плеханову. Это предположение основывается также на том, что лекция записана на листах, на обратной стороне которых есть штампы: «Bibliothèque ouvrière socialiste... d'Administrateur — Secrétaire D-r Ch. Rappoport».

³ Исследователь плехановского литературного наследия Е. С. Коц в составленном ею «Описании рукописей Плеханова» (хранится в Доме Плеханова в Ленинграде) указывает на то, что

прочтения этой лекции Плеханов неоднократно обращался к вопросам философской эволюции Маркса, однако не только не считал возможным опубликовать текст этой записи, но и не приводил в какой-либо другой, позднейшей, работе тех или иных положений из этой лекции. А между тем известно, что во многих произведениях он часто воспроизводит не только отдельные положения, но и целые разделы из написанных им ранее произведений.

Возможно, что Плеханов в этой своей лекции излагал историю философского развития Маркса и Энгельса примерно в том направлении, как это воспроизведено в записи. Некоторые положения записи отвечают духу воинствующего материализма, одним из представителей которого в области философии был в то время, в пору борьбы с махизмом и кантианством, Плеханов. И к нашему времени (когда буржуазные реакционеры и ревизионистские элементы, прикрываясь фальшивым флагом «гуманизма» и «человеческого социализма», пытаются противопоставить раннего Маркса — идеалиста, демократического гуманиста Марксу — диалектическому материалисту, пролетарскому революционеру и коммунисту) применимо, например, положение, содержащееся в записи лекции: «Все те, которые в настоящее время стремятся к «реформе» и «пересмотру» марксизма внесением в него так называемого общечеловеческого и морального элемента, должны, по добросовестному изучении генезиса этого мирозерцания, признать, что они, в сущности, апеллируют от Маркса к Марксу же, т. е. от зрелого и окончательно установившегося Маркса к Марксу, находившемуся в периоде колебания, от Маркса, как диалектического материалиста, к Марксу гуманисту, поклоннику Фейербаха, т. е. к исторически пройденной и изжитой самим Марксом ступени развития»¹.

Ярко и в общем правильно говорится в записи лекции об истории развития теоретической мысли в Гер-

в данной рукописи рукою Плеханова сделаны поправки; имеется в виду то, что в заглавии работы зачеркнуто «Философские основы марксизма» и вписано «Философская эволюция Маркса». Экспертизы, подтверждающей этот вывод, проведено не было.

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 334.

мании конца XVIII — начала XIX в., о небывалом распространении метафизики и отвлеченной умозрительной философии, завершившейся «официальной философией прусского полицейского государства», о влиянии идей революционной Франции на передовую мысль Германии (К. Бёрне, Г. Гейне, Л. Фейербах и затем К. Маркс и Ф. Энгельс). Глубоко и правильно в записи определена социальная сущность борьбы Маркса и Энгельса с Бруно Бауэром и его единомышленниками, поскольку эти последние «видели в политической борьбе чартизма и французской пролетарской массы поверхностное, философски необоснованное и неглубокое движение. Они хотели спасти общество помощью своей критической мысли, витавшей высоко над действительностью. И Маркс не перестает их преследовать скорпионами и бичами своей иронии, беспощадно разоблачая их комическое самомнение и полное непонимание конкретной исторической действительности»¹.

Однако многие положения и формулировки, данные в записи лекции, вызывают большие сомнения в принадлежности их Плеханову. Весьма спорной является принадлежность Плеханову уже первой формулировки, которой начинается запись лекции, что «философию скорее следует отнести к числу наук проблематических»². Трудно допустить, чтобы Плеханов был автором и следующего неправильного положения о философии: «Она дошла до совершенной растерянности и еще до сих пор продолжает искать своего объекта, устанавливать свой метод (?! — стиль совсем не плехановский. — М. И.). Многие крупные мыслители, — к их числу принадлежат Маркс и Энгельс, — оспаривают ее право на самостоятельное существование»³. Плеханов неоднократно, как это было показано выше, подчеркивал самостоятельность философии: он никогда не утверждал, будто Маркс и Энгельс оспаривали право на ее самостоятельное существование.

Достаточно обратиться к «Основным вопросам марксизма» и другим работам Плеханова, написанным после этой лекции, не говоря уже о более ранних

марксистских работах Плеханова, дабы убедиться в том, что он так же, как и его учителя Маркс и Энгельс, вовсе не думал так плохо о философии диалектического материализма и ясно понимал ее предмет и метод. Ни в одном из своих произведений Плеханов вопреки записи не сводит предмет философии к «теории мышления и его законам», а также нигде не утверждает, будто эта теория «предполагает общий синтетический взгляд на природу и жизнь», который был дан, по утверждению автора записи, Марксом и Энгельсом. В сочинениях Плеханова не встречается «рационального определения философии, которое имеет место в этой записи: «Философия есть система синтетических идей, объединяющих совокупность человеческого опыта на достигнутой в данную эпоху ступени интеллектуального и общественного развития. Короче: философия есть синтез познанного бытия данной эпохи». Это близкое к натурфилософскому представление о философии как науке наук не очень вяжется и с предыдущим неверным определением философии как теории мышления и его законов и вовсе не вытекает из того понимания философии, которое Плеханов развивал в своих многочисленных трудах, хотя в одном из писем он и назвал философию «наукой наук».

Еще более сомнительной и даже несуразной представляется запись о том, что «философскому обоснованию марксизма» наряду с работами Плеханова-Бельтова, Антонио Лабриола посвящены также работы Кроче, Масарика (которых Плеханов никогда марксистами не считал), Булгакова, Струве и Бердяева (которых задолго до этой лекции Плеханов клеймил как ренегатов и противников марксизма и т. п.).

Говоря о философском развитии Маркса, Плеханов, как это утверждается в записи, показал, будто оно пережило три различных фазиса: 1) Маркс второй половины тридцатых годов — «безусловный поклонник философии Гегеля»; к этому периоду относится и его докторская диссертация; 2) Маркс в период сороковых годов, в период «решительной борьбы с традиционным гегельянством». К этому «антигегелевскому» периоду относится произведение «Святое семейство», которое рассматривается как «важнейший философский

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 332.

² Там же, стр. 323.

³ Там же, стр. 323—324.

документ этого периода»¹ и 3) Маркс — диалектический материалист.

В записи дается следующее резюме о философской эволюции Маркса и Энгельса: «...Весь путь их представляет три этапа; первый этап — абстрактное Гегелевское самосознание, второй этап — конкретно-абстрактный человек Фейербаха, третий и последний этап — реальный человек, живущий в реальном классовом обществе в определенной общественно-экономической обстановке»². Эта весьма абстрактная формула, отвлекающаяся от реального хода идейного развития Маркса и Энгельса от революционного демократизма к научному коммунизму, от диалектического идеализма к диалектическому материализму, формула, не учитывающая революционных, гуманистических воззрений молодых Маркса и Энгельса (на «первом этапе») и диалектического, революционного характера их взглядов в 40-х годах (на «втором этапе»), отодвигающая на период после 40-х годов переход Маркса и Энгельса к диалектическому и историческому материализму («третий этап»), представляется весьма спорной.

Но дело в том, что нет оснований считать эту формулу принадлежащей перу Плеханова. Если бы даже Плеханов и изложил в прочитанной лекции свой взгляд на философскую эволюцию Маркса в той весьма несовершенной формулировке, какая дана в записи лекции, то это еще не значило, что он считал возможным эту формулировку обнародовать. Ведь как в предшествовавших этой лекции работах (например, в написанном в июле 1905 г. предисловии ко второму изданию книги Энгельса «Людвиг Фейербах...»), так и в последующих произведениях («Основные вопросы марксизма» и др.) Плеханов высказал, как мы показали выше, иную,

¹ Заметим, что и неточная датировка этого периода (все 40-е годы рассматриваются как «антигегелевский» период, тогда как до 1843 г. Маркс был гегельянцем, а гегелевскую диалектику критически усваивал и позднее), и умолчание о тезисах Маркса о Фейербахе и о «Нищете философии», как последовательных диалектико-материалистических произведений первой половины 40-х годов, очень существенно отличаются от того, что Плехановым сказано за несколько месяцев до этого в предисловии ко второму изданию книги Энгельса «Людвиг Фейербах...» и двумя годами позже в «Основных вопросах марксизма».

² Г. В. Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 333.

в общем верную, хотя и не во всем точную и безукоризненную, точку зрения на философское развитие Маркса и Энгельса¹. Сомнителен также и общий вывод, сделанный в записи лекции, будто мысль Маркса и Энгельса развивается от «психологического индивидуализма и субъективного морализма к историческому объективизму и материализму»². Работы Плеханова о Гегеле, начиная с его статьи в 1891 г. — «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», говорят о том, что он никогда не рассматривал, да и не мог рассматривать философскую точку зрения Гегеля, его объективный идеализм, проникнутый диалектической идеей развития, на которой первоначально стояли Маркс и Энгельс, как «психологический индивидуализм и субъективный морализм».

Следует заметить, что рукопись «Философская эволюция Маркса» была прислана для 2 сборника «Группа «Освобождение труда» Р. М. Плехановой из Парижа 1-апреля 1924 г. Л. Г. Дейчу с письмом, в котором она писала, что «лекция производит цельное впечатление и очень интересна по содержанию и блестяща по форме». Каких-либо доказательств принадлежности этой рукописи Г. В. Плеханову в письме Р. М. Плехановой не содержится. По предложению Л. Г. Дейча предисловие к рукописи «Философская эволюция Маркса» написано Л. И. Аксельрод, которая с восхищением говорит о лекции, не подвергая сомнению принадлежность ее Плеханову. Такое восторженное отношение к этой рукописи объясняется полным согласием Аксельрод с точкой зрения автора записи, существо которой состоит в представлении марксизма как синтеза гегелевской диалектики и фейербаховского материализма. Этот ошибочный, механистический взгляд по вопросу философской эволюции Маркса сама Л. И. Аксельрод высказала в своей статье в том же, 1924 г.: «Карл Маркс, — писала она, — создал высший синтез, выразившийся в сочетании диалектического метода Гегеля

¹ Кратко об этом сказано в моей работе «Некоторые методологические вопросы истории философии» (изд. «Знание», М., 1957) и в статье «Основные вехи развития в СССР истории философии как науки», опубликованной в журнале «Философские науки» № 1 за 1958 г.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 334.

с материалистической основой познания Фейербаха»¹.

Все это говорит о том, что рассматривать запись лекции «Философская эволюция Маркса» как произведение Плеханова, предназначавшееся к печати, нет должных оснований, а изложенные в этой записи положения являются во многом спорными, ошибочными и противоречащими взглядам самого Плеханова о развитии марксизма, высказанным в его печатных трудах².

Неточные формулировки и отдельные ошибки в работах Плеханова, особенно в позднейших, при истолковании фейербаховского материализма и объяснении философской эволюции Маркса и Энгельса в ряде случаев, как мы видим, свидетельствуют о некотором сближении его взглядов по этим вопросам со взглядами теоретиков II Интернационала, которые не раскрывали в своих работах превосходства марксизма над предшествовавшими философскими учениями.

Но в целом Плеханов оставался в отличие от преобладающего большинства деятелей II Интернационала убежденным сторонником философии марксизма, защитником материалистических традиций прошлого, критиком идеализма, взятого на вооружение идеологами буржуазной реакции³.

¹ Л. Аксельрод-Ортодокс, Карл Маркс как философ, Харьков, 1924, стр. 25.

² Вопрос о принадлежности Г. В. Плеханову рукописи «Философская эволюция Маркса» был предметом обсуждения редакционной коллегии «Избранных философских произведений» Г. В. Плеханова в конце 1956 — начале 1957 г., в результате чего было решено не включать это произведение, принадлежность которого Плеханову является спорной, в пятитомное издание его «Избранных философских произведений».

³ В своей книге «К вопросу о формировании философских взглядов К. Маркса» О. М. Бакурадзе, ссылаясь на запись лекции Плеханова «Философская эволюция Маркса», сделал поспешный вывод о том, что Плеханову (а заодно и Мерингу) принадлежит «теория трехфазного развития марксизма», являющаяся, по его мнению, «примером ложного истолкования истории марксистской философии» (цит. соч., стр. 4—5, 59—60 и др.). Тов. Бакурадзе (к сожалению, в этом он не был одинок в нашей литературе) относит Плеханова к числу людей, которые «рассматривают марксизм как простой синтез диалектики Гегеля и материализма Фейербаха и не видят существенного различия между диалектикой Маркса и диалектикой Гегеля, с одной стороны, и между материализмом Маркса и материализмом Фейербаха, с другой» (стр. 3).

Историко-философский анализ и критика Плехановым буржуазных философских и социологических течений конца XIX — начала XX в. Серьезное положительное значение для марксистской истории философии, как науки, для борьбы за научное материалистическое мировоззрение имеют работы Плеханова, посвященные критическому анализу различных философских и социологических учений современной реакционной буржуазии.

В предшествующем изложении была показана борьба Плеханова против философского ревизионизма Бернштейна, Струве, Богданова и некоторых других отступников от марксизма, которые в конце XIX — начале XX в., прикрываясь флагом «философского обоснования» марксизма, отравляли рабочее движение враждебными марксизму буржуазными антиматериалистическими и антидиалектическими теориями (неокантианство, махизм и т. д.).

Но Плеханов не ограничился критикой буржуазных философских течений в работах, направленных против разносчиков этих идей в рабочем движении — ревизионистов. Он в предшествующие первой мировой войне годы подверг критике современную идеалистическую философию во многих своих специальных работах, статьях и рецензиях, из которых должны быть особо отмечены: «О книге Масарика» (1901), «О книге Кроче» (1902), «Анри Бергсон» (1909), «Трусливый идеализм» (о книге Петцольдта) (1909), «О книге В. Виндельбанда» (1910), «Скептицизм в философии» (о книге Рихтера) (1910), «О книге Г. Риккерта» (1911), «О книге Э. Бутру» (1910) и др. Неоднократно также в своих работах

лизмом Маркса и материализмом Фейербаха, с другой» (стр. 3). Приведенные выше мысли и положения Плеханова о философском развитии Маркса и Энгельса, содержащиеся в его произведениях: «Философские и социальные воззрения Маркса», «Основные вопросы марксизма», предисловие к книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и др., не дают основания для таких категорических, но не доказанных суждений. К сожалению, и в серьезном научном труде, каким является книга В. А. Фоминой «Философские взгляды Г. В. Плеханова» (1955), запись лекции «Философская эволюция Маркса» рассматривается как произведение, принадлежащее перу Плеханова, и подвергается критике как «ревизионистское растворение марксизма в буржуазном мировоззрении» (стр. 280).

Плеханов выступает с критикой философии истории неокантрианца Р. Штаммлера и реакционного мировоззрения Ф. Ницше.

Анализируя различные реакционные философские течения конца XIX в., Плеханов приходит к обобщающему выводу о том, что «современная философия Западной Европы, в которой так сильно господствует буржуазия, не может не быть самосознанием этой последней. К сожалению, эта весьма простая истина очень туго проникает теперь в умы даже тех людей, которые, вообще говоря, стоят на стороне рабочего класса. Вот почему люди эти, как у нас, так и в Западной Европе, очень часто с большой ревностью распространяют философские теории, представляющие собою последнее слово буржуазной реакции против освободительных стремлений пролетариата. Это очень печальное зрелище, на созерцание которого мы осуждены самим ходом европейского культурного развития»¹.

Плеханов концентрирует внимание на то, что философские идеологи реакционной буржуазии в современную историческую эпоху злобно отвергают не только диалектический материализм и особенно материалистическое понимание истории, но диалектику вообще, в том числе и гегелевскую, провозглашают движение философской мысли назад к Канту, причем к Канту «препарированному», из учения которого его эпигонами удалены материалистический элемент и диалектические идеи развития. «В борьбе с материализмом, — отмечал Плеханов, — главной твердыней являются всевозможные разновидности кантианства. В области общественной науки кантианство утилизируется для этой цели как учение *дуалистическое, разрывающее связь между бытием и мышлением*»².

Идеологи современной буржуазии в своих философских и социологических концепциях акцентируют внимание не только на кантианстве и позитивизме в различных его разновидностях, но и на интуитивизме (Анри Бергсон) и реакционно истолкованном гегельянстве (как, например, Кроче). Эти реакционные идео-

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 445.

² Там же, стр. 188.

логи в своих теоретических изысканиях руководствуются не соображениями научной истины, а ненавистью к социализму, к революционному рабочему движению и его идеологии — марксизму. Многие представители общественной науки, пишет Плеханов, питают неприязнь к материалистическому пониманию истории. Именно неприязнь, а не спокойное отрицание¹. В результате такого субъективного подхода к теоретической деятельности, доказывает Плеханов, буржуазные философы и социологи, пытающиеся выработать общий взгляд на историю общества, попадают в тупик произвольных и бесплодных теоретических построений, так как общественные науки, где ищут убежища идеалисты, еще менее, чем естествознание, примиримы с идеализмом².

В 1901 г. Плеханов написал рецензию на книгу «Философские и социологические основания марксизма. Этюды по социальному вопросу» чешского буржуазного философа Т. Масарика, который пытался извратить историю диалектики и материализма и «повалить» учение марксизма, обвинив его в эклектизме, поскольку, с точки зрения Масарика, диалектика и материализм несовместимы. Плеханов доказывает, что Масарик, как и другие критики марксизма, ничего не понял в марксизме и не отличает материалистической диалектики Маркса от идеалистической диалектики Гегеля. Так как против идеалистической диалектики было сделано в истории философии много серьезных возражений, Масарик, не будучи в состоянии отличить материалистическую диалектику от идеалистической, как и другие философы современной буржуазии, отвергает всякую диалектику с порога. Против *материалистической* диалектики Маркса он не в состоянии привести ни одного серьезного возражения. Вместе с тем Плеханов обнаруживает, что Масарик искажает и мысли Гегеля, приписывая ему нелепую точку зрения, будто развитие совершается *только* посредством катастроф, крупных переворотов. Подоплека наскоков современных буржуазных философов на гегелевскую диалектику, по Плеханову, в том и состоит, что эта диалектика «оправдывает

¹ См. Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 508.

² См. там же, стр. 491.

«крупные перевороты»... и разумеется, тот же самый мотив обуславливает собою еще более отрицательное отношение тех же филистеров к материалистической диалектике Маркса. Это «важное обстоятельство» есть одно из самых поразительных доказательств глубокого упадка философской мысли в среде образованной буржуазии нашего времени»¹.

Масарик — представитель эклектического, в основном религиозно-идеалистического, направления в философии, — искажая историю возникновения и развития философии марксизма, приписывает Марксу и Энгельсу позитивизм, отождествляет материалистическое представление о мире таким, как он есть, без всяких предвзятых идеалистических бредней, с позитивизмом. Так же как и другие философствующие буржуазные филистеры, Масарик пытается низвести исторический материализм до уровня вульгарного натурализма в социологии, утверждая, что Маркс объявляет движущими силами истории «животные потребности», что, с точки зрения Масарика, равнозначно «отношениям производства». Таким образом, Масарик, как показывает в своей рецензии Плеханов, обнаруживая в своем истолковании марксизма и предшествующей истории философии буржуазное филистерство, враждебное материализму и диалектике, оказывается очень похожим на Э. Бернштейна.

В 1902 г. Плеханов выступает с рецензией на книгу итальянского буржуазного профессора-идеалиста Б. Кроче «Исторический материализм и марксистская экономия». Кроче пытался с позиций, близких к «легальному марксизму» и бернштейнианству, рассмотреть философскую, социологическую и экономическую доктрины марксизма, историю их возникновения и развития. Хотя Кроче в то время и «заигрывал» с марксизмом и еще не выдвинул своего реакционного неогегельянского учения, сыгравшего впоследствии отрицательную роль в истории итальянской философской мысли, но он уже и тогда пытался противопоставить ортодоксальному марксизму, который он называл «вульгарным марксизмом», «марксизм» тех «учеников»

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 675—676.

Маркса, которые критиковали своего учителя. Плеханов показывает, что Кроче, принадлежащий к числу решительных противников диалектического метода и материализма, не имеет ни малейшего понятия ни о том, ни о другом и разделяет абсурдное представление врагов марксизма, будто философский материализм считает духовные явления лишь «нереальной видимостью, под которой скрываются физические явления». Анализ Плехановым учения Гольбаха и Гельвеция в труде «Очерки по истории материализма» Кроче истолковывает как возврат марксизма на позиции механического и даже вульгарного материализма. «К Гольбаху и Гельвецию, — отвечает Плеханов, — мы вернулись в том смысле, что сочли нужным сравнить материализм Маркса с французским материализмом XVIII века и обнаружить родственные черты и генетическую связь этих двух фазисов истории материалистического миросозерцания. Если бы г. Кроче не был ослеплен обычными филистерскими предрассудками против материализма и если бы он понял взгляды Маркса, то ему показалось бы странным не то, что у нас явилась потребность подобного сравнения, а то, что такая потребность не высказалась в философской литературе гораздо раньше»¹.

Плеханов показывает, что на философские воззрения Б. Кроче, на его миросозерцание наложила неизгладимую печать «кантовская критика», не совместимая с диалектико-материалистическими, историческими и социально-политическими взглядами Маркса. Плеханов высмеивает эклектические потуги Б. Кроче изменить марксизм так, чтобы он перестал противоречить тому, чему он не может не противоречить.

На примере Кроче Плеханов показал, что попытки некоторых буржуазных философов «сесть между двух стульев», соединить нечто, взятое от марксизма с философским идеализмом, не могут увенчаться успехом. Они кончаются идеализмом. Дальнейшая эволюция взглядов Кроче к открытому идеализму в философии и социологии явилась наглядным тому подтверждением.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 715—716.

Вслед за статьями о Масарике и Кроче в ряде своих работ, относящихся к первому десятилетию XX в., Плеханов дает научно-критический анализ других идеалистических течений в среде философских идеологов современной буржуазии. В статье «Анри Бергсон» Плеханов выясняет, что бергсонизм — интуитивизм есть реакционное, иррационалистическое течение, направленное на защиту буржуазной идеологии и борьбу с марксизмом, оказывающее пагубное влияние на теоретиков синдикализма во французском рабочем движении (Сорель и др.). Хотя Плеханов несколько преувеличивает значимость некоторых элементов «Творческой эволюции» Бергсона, как материалистических, и жалеет в связи с этим, что Бергсон не был знаком с историческим материализмом, в конечном итоге Плеханов распознает антинаучную, иррационалистическую мистическую сущность воззрений Бергсона, с точки зрения которой настоящее познание дает нам только такая философия, которая игнорирует интеллект и апеллирует к интуиции. «Нечего и говорить, что этим самым наш мыслитель широко открывает дверь для фантазии», пишет Плеханов и доказывает, что попытка взглянуть на процесс возникновения действительности с субъективной, по терминологии Бергсона, внутренней стороны «заранее осуждена на жестокую неудачу: ничего, кроме густого мистического тумана, из нее никогда не выходило и выйти не может»¹.

Обращаясь к истории материализма, Плеханов приводит ответ Спинозы на вопрос о «самопознании души»: «Душа познает самое себя лишь постольку, поскольку она воспринимает идеи испытываемых телом впечатлений»².

Проявляя интерес к проблеме становления, Бергсон с позиций мистического идеализма, рассматривает материальный мир как поток интуитивных переживаний личности, что означает с точки зрения Плеханова, превращение диалектики в софистику, как это уже некогда произошло в греческой философии (Плеханов имеет в виду релятивизм Платона, которому симпатизирует Бергсон).

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 317, 318.

² Там же, стр. 318.

В итоге Плеханов указывает на низкий теоретический уровень философии Бергсона, которой увлекаются теоретики французского синдикализма.

Еще в 1898—1902 гг. в своих статьях против Берштейна, Струве и иже с ними Плеханов, разоблачая их как неокантианцев и философских ревизионистов, развернул критику идеалистической философии неокантианцев. Плеханов доказал, что они, отбрасывая материалистический элемент философии Канта и его диалектическую идею развития, отступают от исторического Канта и идут по линии субъективного идеализма и агностицизма.

Плеханов обращает внимание на то, что Струве с его теорией притупления социальных противоречий в капиталистическом обществе следует неокантианцу Р. Штаммлеру. Штаммлер в своей нашедшей книжке «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» подменил диалектические противоречия капиталистического способа производства надуманным противоречием между хозяйством и правом, делая отсюда вывод, что в результате совершенствования права путем реформ отпадает всякая необходимость в социальной революции. И сей Штаммлер, как справедливо заметил Плеханов, «ввел у нас в соблазн немалое число «марксистов» из ряда тех, которые были предварительно софистицированы и «притуплены» так называемой критической философией, столь любезной теперь сердцу всех, стремящихся к «притуплению» общественных противоречий»¹.

Плеханов изобличил как софистику утверждение Штаммлера о том, будто марксизм по существу логически противоречив, поскольку утверждает, что торжество социализма есть историческая необходимость, и вместе с тем требует социал-демократической деятельности; Штаммлеру представляется излишней эта деятельность, раз данное явление (социализм) согласно необходимому шестивью истории должно наступить. Плеханов неопровержимо доказал, что деятельность социал-демократии есть звено в цепи необходимых условий и устранение этого звена разорвало бы всю цепь событий.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 526.

В утверждениях Штаммлера и других кантианцев Плеханов обнаруживает дуализм, воспринятый от Канта и его последователей: мышление всегда оторвано у них от бытия, сознательные стремления людей противопоставлены исторической необходимости.

В связи с этим Плеханов рассматривает вопрос о возможности социологии как науки, которую по существу отрицают вместе с Штаммлером многие сторонники «критической философии» Канта. «Социология, — пишет Плеханов, — становится наукой лишь в той мере, в какой ей удастся понять возникновение целей у общественного человека... как необходимое следствие общественного процесса, обусловливаемого в последнем счете ходом экономического развития. И очень характерно то обстоятельство, что последовательные противники материалистического объяснения истории видят себя вынужденными доказывать невозможность социологии как науки. Это значит, — делает весьма важный вывод Плеханов, — что «критицизм» становится теперь препятствием для дальнейшего научного развития нашего времени»¹.

Впоследствии Плеханов обращается к критике другого течения в философской и социологической концепции неокантианства — баденской школы. В статьях о книгах Г. Риккерта и В. Виндельбанда, двух главных представителей баденской школы, он доказывает, что они, так же как и представители марбургской школы (Штаммлер), отрицают возможность общественной науки, отвергают закономерность исторического процесса.

Теория Риккерта, как показывает Плеханов, сводится к делению эмпирических наук на две группы: генерализирующих, т. е. обобщающих, — это науки о природе и индивидуализирующих — науки о культуре. Вслед за Кантом Риккерт определяет понятие природы «как бытие вещей, поскольку оно определено общими законами», и противопоставляет ему понятие исторических явлений, которые, по мнению кантианцев, не «подводимы» под общие законы. Плеханов доказывает несостоятельность противопоставления естествознания (науки о природе, по Риккерту) истории (науки о куль-

туре, по терминологии Риккерта), поскольку и та и другая науки имеют дело с общими закономерностями и с индивидуальными, специфическими явлениями, а также потому, что и естественные науки являются в то же время историческими (например, геология, филогенетическая биология и др.). Социология, доказывает он, в такой же мере, как и естествознание, занимается «общим», т. е. общими закономерностями процесса, а история становится наукой лишь постольку, поскольку ей удастся объяснить изображаемые ею процессы с точки зрения социологии, поэтому она относится к социологии совершенно так же, как, например, геология относится к «обобщающему» естествознанию. «А из этого следует, что Риккертово противопоставление наук о культуре наукам о природе лишено всякого серьезного основания»¹.

Рассматривая историко-философское исследование В. Виндельбанда «Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия», Плеханов прежде всего раскрывает предубеждения идеалистической истории философии, проявившиеся в книге Виндельбанда, который отвергает и принижает материализм вообще и исторический материализм в частности. А «кто занимается историей общественной мысли в тех или других ее проявлениях, тот не может теперь безнаказанно игнорировать материализм»², — с полным основанием замечает Плеханов.

Плеханов отмечает, что Виндельбанд, чуждый материалистического понимания историко-философского процесса, отражающего борьбу классов, дал совсем правильное объяснение проповеди индивидуализма Ф. Ницше, как «горячей оппозиции индивидов» против «подавления массой» интересов личности. «Виндельбанд не хочет понять, — заключает Плеханов, — что поскольку новейший индивидуализм, нашедший себе самого яркого представителя в лице Фридриха Ницше, является протестом против поступательного движения массы, постольку в нем сказывается не опасение за права личности, а боязнь за классовые привилегии... Современный индивидуализм... не может быть рассматриваем как

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 193.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 515.

² Там же, стр. 444.

движение в пользу прав личности вообще. Он есть движение в пользу прав личности, принадлежащей к известному классу. И он прекрасно сознает, хотя бы в лице того же Фридриха Ницше, что интересы *такой* личности могут быть ограждены лишь путем угнетения «личности», принадлежащей к другому и несравненно более многочисленному классу, т. е. к тому же пролетариату»¹.

Здесь Плеханов метко схватывает существенные черты зоологического буржуазного индивидуализма, выраженные в философских построениях Ницше, в его ненависти к массам, их революционному движению, в его возвеличении «сверхчеловека», «сильной личности» и т. п.

В статье «О так называемых религиозных исканиях в России» Плеханов раскрывает природу ницшеанского отрицания этики. «В аморализме Ницше, — утверждает он, — сказалось настроение, свойственное буржуазному обществу времен упадка...»² Было бы неправильно относить этот аморализм Ницше за счет той или иной философской системы, например за счет позитивизма или механического мирозерцания: дело в том, что аморализм Ницше — продукт определенных общественных отношений, результат того, что буржуазия, бывшая некогда *передовым* общественным классом, идя *вверх*, воевала с безнравственной аристократией и дорожила нравственностью, в современную же эпоху идет вниз и «война всех против всех» становится необходимым условием ее существования.

Нет сомнения, что эта, данная Плехановым, принципиальная характеристика буржуазного индивидуализма относится не только к Ницше, но и ко многим другим идеологам буржуазии, к их реакционным философским и социологическим концепциям.

Критика Плехановым субъективно-идеалистических, позитивистских философских основ эпигонов Беркли и Юма в западной и русской философии началась еще раньше, в 80—90-х годах XIX в., в его сочинениях и выступлениях против субъективной социологии народнических идеологов и проф. Кареева, следовавших пози-

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 446—447.

² Там же, стр. 409.

тивистской философии. Плеханов поддержал итальянского марксиста Антонио Лабриола, когда тот подверг критике Э. Ферри, автора поверхностного сочинения «Коллективизм и позитивная наука. Спенсер — Дарвин — Маркс». Ферри связал материалистическое понимание истории Маркса с метафизической «общей теорией эволюции» О. Конта и Г. Спенсера, что, по мнению Лабриола и Плеханова, «значит выдать нам за союзников самых решительных наших противников».

Впоследствии Плеханов не раз критиковал Э. Маха, Р. Авенариуса, И. Петцольда и других «столпов» эмпириокритицизма. Однако крупный порок плехановской критики махизма и других идеалистических течений состоял в том, что Плеханов не раскрывал их связи с идеалистическими школами в современном естествознании, особенно в физике, не подвергал критическому разбору идеалистические спекуляции на новейших достижениях науки.

Плеханов ограничился тем, что в первом письме «Materialismus militans» говорил: «Теоретическая буржуазная реакция, которая производит теперь настоящее опустошение в рядах нашей передовой интеллигенции, совершается у нас под знаменем философского идеализма и... вследствие этого особенный вред грозят принести нам такие философские учения, которые, будучи идеалистическими по всему своему существу, в то же время выдают себя за последнее слово естествознания, чуждого всяких метафизических предпосылок. Борьба с такими учениями не только не излишня, но прямо обязательна, как обязательен протест против *реакционной* «переоценки ценностей», добытых продолжительными усилиями русской *передовой* мысли»¹. Речь идет о критике махизма и идущих под его влиянием отступлений от солидной материалистической традиции русской философии, которые проявились у части русской интеллигенции в конце XIX — начале XX в. («эмпириомонизм» Богданова, религиозные искания Луначарского и др.).

Вместе с тем Плеханов развенчивал миф о мнимой «новизне» философского учения Маха, говоря российским махистам, что «Мах, «философию» которого Вы...

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 300.

считаете «философией» естествознания XX века, *целиком стоит... на точке зрения идеалиста XVIII столетия Берклия*. Он даже и выражается почти так же, как этот достойный епископ. «Не тела вызывают ощущения, — говорит он, — а комплексы элементов (комплексы ощущений) образуют тела. Если физику тела кажутся чем-то постоянным, действительным, а «элементы» — их мимолетным преходящим отражением, то он не замечает того, что все «тела» суть лишь логические символы для комплексов элементов (комплексов ощущений)»¹.

Анализируя философские взгляды Маха и сравнивая их с философскими взглядами его учителей, Плеханов делает важный для историко-философской науки вывод: «... работа мысли пошла у Маха в том же направлении, в каком она шла когда-то у Фихте, который тоже взял трансцендентальный идеализм Канта за свою точку исхода и тоже скоро пришел к тому заключению, что вещь в себе играет совершенно «лишнюю роль»²; махизм отбросил материалистический элемент учения Канта и встал на точку зрения более последовательного идеализма. Если же до конца последовательно провести точку зрения махизма, неизбежен приход к солипсизму, к признанию, что весь мир существует только в ощущении человека; однако махисты «открещиваются» от этого закономерного логического вывода.

В связи с критикой махизма, как самого опасного антиматериалистического течения конца XIX — начала XX в., Плеханов выясняет причины нового похода идеологов буржуазии против философского материализма. Уже история французской философии после революции конца XVIII в. ясно показывает, что свойственные этой философии антиматериалистические тенденции коренятся в охранительных инстинктах буржуазии, справившейся со старым режимом и потому покинувшей свои революционные увлечения и сделавшейся консервативной. Плеханов с полным основанием утверждал, что это положение относится не

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 231.

² Там же, стр. 252.

только к Франции. «Если идеологи современной буржуазии, — пишет он, — всюду смотрят на материализм с высокомерным презрением; то очень много наивности нужно для того, чтобы не заметить, как много в этом будто бы высокомерном презрении трусливого лицемерия. Буржуазия боится материализма, как революционного учения, так хорошо приспособленного для срывания с глаз пролетариата тех теологических повязок, с помощью которых его усыпители хотели бы остановить его духовное развитие»¹.

Исследуя причины современной буржуазной реакции на материализм, проявившейся в Западной Европе в возврате к Канту, а затем к Беркли, Плеханов видит их прежде всего в появлении на всемирно-исторической сцене революционного пролетариата.

Проявлениями вражды к материализму прошлого и особенно к материализму марксистскому, тесно связанному с революционным рабочим движением, Плеханов считает религиозные искания российской буржуазной интеллигенции, религиозные откровения писателей, составивших сборник «Вехи», попытки П. Струве опровергнуть философские основы социализма с помощью религии.

В статье «Трусливый идеализм», написанной в связи с выходом в русском переводе книги махиста И. Петцольда «Проблема мира с точки зрения позитивизма», Плеханов обнажает идеалистическую сущность возрений сторонников махизма, страшщихся признать себя идеалистами и претендующих на создание философии, стоящей выше материализма и идеализма. «Этот трусливый идеализм, — пишет он, — мнит себя *монизмом*, так как ему кажется, что он устранил «*дуализм*» бытия в себе и бытия для нас. Но каким логическим путем «устранил» он этот мнимый дуализм? Путем признания того, что независимое от нашего представления существование предмета есть лишь его существование в представлении других людей... Вместо *монизма* у нас получается нечто вроде пародии на *плюрализм*»². Попытки трусливого идеализма типа Петцольда стать

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 220.

² Там же, стр. 458.

выше борющихся партий в философии, уклониться от решения основного вопроса философии несостоятельны. Серьезные философские вопросы, утверждает Плеханов, подобно вещам, существуют совершенно независимо от того, хотят или не хотят люди считаться с ними.

Вместе с тем Плеханов критикует попытку «новейшего позитивиста» извратить историю материализма; Петцольд утверждал, что якобы всему материализму свойственно применять для объяснения или описания душевных явлений представления или понятия, применимые для объяснения или описания явлений природы, т. е. стремился принизить материализм, низвести его до уровня вульгарного натурализма.

Плеханов встает на защиту материалистических учений, доказывая, что материалисты ни прошлого, ни нового времени отнюдь не пытались этого делать, все выдающиеся материалисты «говорили, что душевные явления и движение представляют собою две стороны одного и того же процесса, совершающегося в организованном теле... Нельзя не признать, не впадая в самую вопиющую несправедливость, что в этом нет ни отождествления одного ряда явлений с другим, ни признания возможности объяснить или описать один ряд явлений с помощью представлений или понятий, «развитых» для объяснения или описания — другого»¹. В заключительных словах статьи «Трусливый идеализм» Плеханов показал, что философия позитивизма, махизма как нельзя лучше соответствует «жалкому времени». Плеханов был прав: это была эпоха империализма и реакции. «Гегель, — писал Плеханов, — справедливо сказал, что всякая философия есть лишь идейное выражение своего времени. Русский народ выразил, если хотите, ту же самую мысль, но только в гораздо более общей форме, сказав: по Сеньке и шапка!»²

Упадочнической буржуазной философии современности, ее скептицизму и иррационализму Плеханов уверенно противопоставляет научное материалистическое мировоззрение идеологов революционного пролетариата. В своей статье «Скептицизм в философии» он

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 468—469.

² Там же, стр. 480.

пишет: «Наш век, подобно XVIII столетию, представляет собою канун великого общественного переворота. Все подобные эпохи упадка господствовавшего прежде класса чрезвычайно благоприятны для развития скептицизма... Дело тут не в том, что человеку недоступна внечеловеческая истина, а в том, что приближается общественный переворот и что это его приближение, инстинктивно сознаваемое буржуазией, вызывает в ее идеологах чувство глубокой неудовлетворенности, выражающееся в скептицизме, пессимизме и т. п. Но это чувство неудовлетворенности заметно именно только в идеологах буржуазии. Идеологи пролетариата, напротив, преисполнены чувства бодрости... вообще скептицизму нет места в настроении и мирозерцании пролетариата»¹.

Критика Плехановым реакционных философских и социологических течений современной буржуазии и ее влияний в рабочем движении, защита им в связи с этой критикой материалистических и диалектических традиций философской мысли, разоблачение фальсификаторов философии марксизма сохраняют и поныне большое значение для марксистской историко-философской науки, для борьбы за научное материалистическое мировоззрение марксизма против его идейных врагов.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 503—504.